

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.
1907 — 1908.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1908.

Мнимый турецкій султанъ именуемый у европей- скихъ писателей XVI в. *Calepinus Cyriscelebes*.

(Къ вопросу о происхожденіи и значеніи слова چلبی — челеби).

Послѣ разгрома, напесеннаго османскому государству Тимуромъ, кончившагося плѣномъ турецкаго султана Баязида I Йилдырыма въ 1402 г. и смертію послѣдняго въ г. Акъ-Шегирѣ въ мартѣ 1403 года, наступило смутное положеніе, длившееся до 1413 года и именуемое у историковъ междоусобицею, которое правильнѣе назвать многоцарствіемъ. Владѣнія Баязида по частямъ захвачены были его сыновьями, тяжба которыхъ изъ-за единогогосподства окончилась въ пользу младшаго изъ нихъ, Мухаммеда, который и сталъ извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Мухаммеда I.

Сперва дѣло было такъ: Мухаммедъ укрѣпился въ Малой Азіи въ мѣстности около Амасіи и Токата; Иса засѣлъ въ Брусѣ; Сулейманъ съ братомъ Касимомъ и сестрою Фатимою нашелъ прибрежіе у византійскаго императора въ Константинополѣ, оставилъ Касима тамъ въ качествѣ заложника, а самъ захватилъ въ свои руки европейскія владѣнія турковъ, избравъ своею резиденціею Адрианополь; Муса, сопутствовавшій отцу во время плѣна его, находился подъ покровительствомъ Якубъ-бея, котораго посадилъ Тимуръ въ качествѣ самостоятельнаго князька въ Керманѣ.

Затѣмъ предприимчивый Мухаммедъ, хотя и юнѣйшій изъ всѣхъ братьевъ, по руководимый смѣлыми и ловкими совѣтниками, Баязидъ-пашою и Суфи Баязидомъ, предложилъ брату Исѣ полюбовно раздѣлить малоазійскія владѣнія между собою, а когда это предложеніе было отвергнуто, онъ пошелъ на него войною и прогналъ Ису, который бѣжалъ въ Константинополь, оттуда въ Адрианополь къ брату Сулейману. Съ помощью послѣдняго попытался еще потягаться съ Мухаммедомъ въ Малой Азіи, но опять потерпѣлъ поражение; образовалъ потомъ коалицію мелкихъ

князьковъ Айдина, Шарухана, Ментеше и Текке, возстановленныхъ въ своихъ владѣнiяхъ Тимуромъ; но Мухаммедъ разбилъ и покорилъ себѣ союзниковъ Исы, а самъ Иса бѣжалъ въ Караманъ и безъ вѣсти пропалъ тамъ, какъ и еще одинъ изъ братьевъ, Мустафа, тоже исчезъ тамъ послѣ злополучной Ангорской битвы Баязида съ Тимуромъ.

Но этимъ еще не установилось окончательно господство Мухаммеда въ Малой Азiи: мелкіе князьки, бывшіе сторонники Исы, вели между-собныя распри, въ которыя втянули султана Сулеймана, ведшаго веселую и разгульную жизнь въ Адрианополь. Вторженіе же послѣдняго съ войсками въ Малую Азiю подняло на ноги Мухаммеда, съ которымъ искалъ союза князь караманскій противъ Сулеймана. Заключивъ этотъ союзъ, Мухаммедъ пригласилъ себѣ на помощь брата Мусу, сидѣвшаго въ Керманѣ, и поручилъ ему отправиться на европейскую сторону, во владѣнiя Сулеймана, и тамъ попытать счастья противъ Сулеймана, что тотъ и исполнилъ въ союзѣ съ Исфендіаромъ, княземъ кастемунскимъ: изъ Трапезунда переправился Чернымъ моремъ въ Валахію и съ поддержкою валашскаго князя Мирче и сербскаго краля Стефана двинулся было противъ Сулеймана, но потерпѣлъ неудачу близъ Константинополя. Сулейманъ же, давъ отпоръ братьямъ, сдѣлалъ нѣсколько успѣшныхъ военныхъ набѣговъ на сосѣдей и опять попрежнему безопасно зажилъ себѣ въ Адрианополь, предаваясь пьянству и разврату. А Муса тѣмъ временемъ опять собралъ войско и неожиданно явился передъ воротами Адрианополя. Пьяный Сулейманъ сперва не хотѣлъ вѣрить извѣстію о такой внезапной атакѣ, и даже велѣлъ обрѣзать за это извѣстіе бороду своему янычарскому агѣ Хасану, чѣмъ заставилъ послѣдняго передаться съ своими приверженцами на сторону Мусы, а потомъ устремился въ бѣгство, во время котораго упалъ съ лошади близъ деревни Джуюнджи, а недовольные имъ жители этой деревни отрѣзали ему голову. Это было въ 1410 году.

Муса занялъ мѣсто Сулеймана, чиня жестокости надъ жителями той деревни, умертвившими его брата, и опустошая владѣнiя сербскаго краля Стефана. Онъ даже подступилъ и къ Константинополю, за то что императоръ намѣревался противопоставить ему сына погибшаго султана Сулеймана Орхана и подстрекалъ къ тому же Мухаммеда. Мухаммедъ переправился было съ помощью греческой флотиліи на европейскую сторону, но, дважды потерпѣвъ пораженіе отъ Мусы, хотѣлъ было вернуться обратно въ М. Азiю, гдѣ опять возобновились неурядицы, когда Джунейдъ опять захватилъ Эфесъ, да потомъ, подкрѣпленный союзниками и ободренный недовольствомъ приближенныхъ Мусы противъ него за его жестокость и несправедливость, двинулся противъ Мусы, и на этотъ разъ съ успѣхомъ.

Прогнанный до равнины Чамурлу, Муса лишился одной руки въ поединочной схваткѣ съ измѣнникомъ своимъ, янычарскимъ агою Хасаномъ, демонстративно презывавшимъ янычаръ Мусы въ ряды Мухаммеда, а потомъ, видя готовность своего войска къ измѣнѣ, бѣжалъ въ Валахію и во время преслѣдованія по однимъ источникамъ завязъ и найденъ мертвымъ въ одномъ болотѣ, а по другимъ — былъ настигнутъ и задушенъ преслѣдовавшими. Послѣ того султанъ Мухаммедъ сталъ единоличнымъ властелиномъ отцовскаго наслѣдія, изъ-за котораго цѣлыхъ десять лѣтъ длилось междоусобіе между сыновьями Баязида I¹⁾. Такимъ образомъ двое изъ братьевъ, какъ мы видѣли, заплатились жизнью въ этой междоусобицѣ; а что же случилось съ остальными тремя, показавшимися на сценѣ въ началѣ наслѣдственной распри, а потомъ куда-то исчезнувшими безслѣдно? Вотъ тутъ-то и находится тотъ пунктъ смутнаго періода, въ которомъ, по справедливому замѣчанію Гаммера, «европейскіе писатели османской исторіи... внесли путаницу относительно числа и царствованія султановъ, чуждую бытописателямъ османскимъ»²⁾. Но и самъ онъ нельзя сказать чтобы достаточно разобрался въ этой путаницѣ. Склоняясь на сторону большинства историческихъ свидѣтельствъ османскихъ и византійскихъ писателей, онъ говоритъ, что еще одинъ изъ шести враждовавшихъ другъ съ другомъ братьевъ, Иса, тоже погибъ во время распри, будучи казненъ послѣ неудачнаго столкновенія съ братомъ Мусою, а по другимъ извѣстіямъ схваченъ и удушенъ братомъ своимъ Сулейманомъ. Гаммеръ однако же не совсемъ отрѣшился отъ мысли считать Ису безъ вѣсти пропавшимъ въ Караманѣ³⁾. Вскользь указывая на путаницу, внесенную европейскими писателями въ изображеніе смутной эпохи въ османской исторіи, Гаммеръ не выяснилъ точнѣе, въ чемъ именно состоитъ эта путаница, и какая вѣроятная возможность разрѣшить ее. Это тѣмъ болѣе странно со стороны позднѣйшаго ученаго историка Турціи, что уже и старинные европейскіе писатели, внесшіе эту путаницу, сами, какъ увидимъ, чувствовали ее и даже пытались, сколько могли, отдѣлаться отъ нея, хотя многія изъ событій этого смутнаго періода, правду сказать, до такой степени переплетаются другъ съ другомъ уже въ византійскихъ и турецкихъ источникахъ, что нѣтъ почти никакой надежды когда-либо установить достовѣрную связь и послѣдовательность ихъ.

1) Таджу-т-Тэварихъ, константиноп. изд., т. I, стр. 218—221 и далѣе.

2) Hammer, Gesch. d. Osman. Reiches, I: 336.

3) Ibid., 628—629. Anmerk. 343. Вообще у византійцевъ находимъ относительно жизни и дѣятельности Исы, по справедливому замѣчанію Цинкейзена, «nur Falsches und Verwirrtes» (Zinkeisen, Gesch. d. Osm. Reiches, I: 412, Anmerk. 1).

Уже турецкіе историки Саадъ-Эддинъ и Аали-эфенди, приступая къ повѣствованію объ этомъ періодѣ, констатируютъ разнорѣчіе свидѣтельствъ своихъ предшественниковъ, Нешри, Шерифъ-Эддина и др., и дѣлаютъ оговорку, что они будутъ рассказывать то, «въ чемъ сходится большинство историковъ»¹⁾, «въ чемъ согласны извѣстія османскія»²⁾, и находятъ пужнымъ повременамъ приводить параллельно различныя извѣстія о томъ или другомъ изъ повѣствуемыхъ событий. Послѣдующіе же важнѣйшіе историки османскіе, какъ Солакъ-задэ, Кятибъ-челеби, Мюнедджимъ-баши — всѣ слѣдуютъ имъ, не внося отъ себя никакихъ поправокъ.

Такъ всѣ они согласны въ томъ, что у Баязида I было шесть сыновей—Сулейманъ, Муса, Иса, Мустафа, Мухаммедъ и Касимъ³⁾. О послѣднемъ изъ нихъ извѣстно, что онъ былъ оставленъ братомъ своимъ Сулейманомъ въ Константинополѣ заложникомъ⁴⁾. Одни византийцы говорятъ, что Касимъ тамъ сдѣлался христіаниномъ, принявъ имя Димитрія, женился на греческой царевнѣ, занимался изученіемъ греческой письменности и вскорѣ умеръ тамъ⁴⁾. По другимъ извѣстіямъ онъ еще въ началѣ царствованія султана Мухаммеда I былъ выданъ ему греческимъ императоромъ, для безопасности былъ ослѣпленъ и водворенъ на жительство въ г. Акъ-Хысаръ близъ Кайва, а раздѣлявшая его судьбу сестра его Фатима была выдана замужъ за одного савджакъ-бей⁵⁾. Цинкейзенъ, ссылаясь на тѣ же источники, что и Гаммеръ, вмѣсто Касима ставитъ «младшаго сына Баязида Юсуфа»⁶⁾, оставляя безъ вниманія то обстоятельство, что этотъ Юсуфъ долженъ явиться седьмымъ по счету сыномъ Баязида, котораго нигдѣ не значится въ числѣ сыновей послѣдняго. Гаммеръ же ограничивается только замѣтками о томъ, что византиецъ Халкокондилъ «ошибочно называетъ этого брата (т. е. Касима) *Иусумъ*; Дука вовсе никакъ не называетъ; а Франдза говоритъ, что братъ Сулеймана, ставши христіаниномъ, принялъ имя Юсифа»⁷⁾. Въ другомъ мѣстѣ Гаммеръ заявляетъ, что «Дука говоритъ о *двухъ* сыновьяхъ Баязида, изъ которыхъ одинъ (Касимъ) съ сестрою Фатимой былъ отданъ (вѣроятно греческому императору), а *другой* (*Иосифъ* Франдзы) былъ крещенъ и вскорѣ должно быть затѣмъ умеръ христіаниномъ въ Константинополѣ»⁸⁾. Не удивительно, что Ципкейзепъ, ничуть не

1) Таджу-т-Тэварихъ, I: 218; Кюнгу-ль-Ахбаръ, печати. изд., V: 105.

2) Таджу-т-Тэварихъ, 220.

3) Таджу-т-Тэварихъ, 220.

4) Hammer, I: 341.

5) Ibid., 384.

6) Zinkeisen, Gesch. d. Osman. Reiches, I: 403.

7) Hammer, I: 628, Anm. zu S. 341.

8) Ibid., 384, Anm. 6.

смущаясь, принявъ Юсіафа за Касима, ибо онъ вообще не придаетъ особаго значенія сбивчивости источниковъ въ именахъ историческихъ лицъ; но странно, что Гаммеръ не останавливается на такомъ довольно важномъ разногласіи византійскихъ историковъ и не дѣлаетъ даже попытки такъ или иначе примирить ихъ разногласіе. А примиреніе это намъ представляется невозможнымъ, если придержаться свидѣтельства Дуки, который вообще обстоятельно всѣхъ прочихъ касается смутнаго періода османской исторіи, а именно, что въ Константинополѣ, дѣйствительно, застѣли два сына Баязида I, которые оба сдѣлались тамъ христіанами. Дука не называетъ именъ ихъ; Франдза же, перечисляя пятерыхъ сыновей Баязида, вмѣсто Касима называетъ *Юсуфа* — *Ιωσοῦφ*, который при крещеніи названъ *Димитріемъ*¹⁾; а Халкокондилъ называетъ сына Баязидова *Иусу-солъ* — *Ιησοῦς*²⁾. Гаммеръ замѣчаетъ, что это *ошибочно*, а почему *ошибочно*, пчѣмъ этого не доказываетъ. А сопоставляя эти послѣднія разнорѣчія, можно придти къ такого рода соображенію. Что царевичъ Касимъ былъ заложникомъ въ Константинополѣ, этого отвергать нельзя, все-таки извѣстія двоятся насчетъ того, гдѣ онъ кончилъ свое существованіе. Косвеннымъ подтвержденіемъ пребыванія Касима въ Константинополѣ и принятія имъ христіанства служитъ и показаніе Франдзы, что сынъ Баязида, ставшій христіаниномъ, былъ нареченъ *Димитріемъ*: тутъ дѣло идетъ непременно о Касимѣ, такъ какъ у турковъ имя *Касимъ* — *قاسم* — почему-то искони считается соответствующимъ христіанскому имени *Димитрій*. Весьма возможно, что Франдза понаслышкѣ первоначальное имя турецкаго царевича просто перевелъ греческимъ, истолковавши соответствіе двухъ именъ по ихъ значенію переименованіемъ въ *Димитрія* бывшаго мусульманина, названнаго у него вмѣсто *Исы*, или что то же *Иусуса*, *Юсу-фомъ*, какаго вовсе не было; или же въ самомъ дѣлѣ бывшій мусульманинъ *Касимъ*, ставъ христіаниномъ, переименованъ былъ при крещеніи въ соответствующаго ему по значенію христіанскаго *Димитрія*. Что же касается небывалаго Юсуфа, то онъ могъ явиться у Франдзы такъ же, какъ у него явился еще одинъ изъ сыновей Баязида съ небывалымъ именемъ *Μουσοῦλμάνος* — *Мусульманъ*³⁾, подъ которымъ, очевидно, надо разумѣть *Сулеймана*. А что выдуманное Франдзой имя было не иное какъ *Юсуфъ*, объясненіе этому можно видѣть въ томъ, что у Халкокондила вмѣсто Юсуфа охристіанившійся царевичъ называется *Иусусолъ* — *Ιησοῦς*; звуковая

1) Phrantzes, I: 65.

2) Chalcocondilas, IV: 118.

3) Phrantzes, loc. cit.

близость именъ *Иса* и *Юсуфъ* могла повести къ смѣшенію ихъ у Франдзы, иногда не очень строго разборчиваго относительно иноязычныхъ собственныхъ именъ¹⁾. И едва ли Гаммеръ правъ, отозвавшись о Халкокондилѣ, что тотъ *ошибочно* назвалъ Исою крещенаго царевича: большинство источниковъ свидѣлствуютъ, что крещеный царевичъ умеръ въ Константинополь; если бы это былъ Касимъ, то о немъ есть извѣстіе, что онъ отправленъ былъ въ Брусу и проживалъ потомъ въ Акъ-Шегирѣ, и вѣтъ данныхъ безусловно отрицать это послѣднее. Припомнимъ же, что Дука говоритъ о двухъ царевичахъ, принявшихъ христіанство въ Константинополь, можно предполагать, что другой крещеный царевичъ и былъ Иса, какъ назывался одинъ пзъ сыновей Баязида, о копечной судьбѣ котораго не имѣется, какъ мы видѣли выше, достовѣрныхъ свидѣтельствъ.

Какъ бы то ни было, но ни Касимъ, ни Иса, послѣ своего безвѣстнаго исчезновенія со сцены, больше уже нигдѣ не появляются въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ въ исторіи смутнаго времени.

Иначе дѣло обстоитъ съ царевичемъ Мустафою, съ именемъ котораго, какъ въ русской исторіи съ именемъ царевича Димитрія, связывается самозванство, дважды повторявшееся въ короткое время. Первымъ самозванцемъ былъ какой-то фанатикъ-дервишъ Бөреклюдже Мустафа, за спиною котораго стояли ученый судья Бедръ-Эддинъ Симавна-оглу и его приверженецъ изъ евреевъ Худбинъ Торлакъ. Поднятая ими смута ведена была главнымъ образомъ на религіозно-соціалистической почвѣ при участіи послѣдовавшихъ ихъ проповѣди дервишей и скоро окончилась поимкою и казнью вышепоименованныхъ главарей смуты въ 1414—1418 годахъ²⁾ при султанѣ Мухаммедѣ I.

Болѣе серьезный характеръ имѣло притязаніе на султанскій тронъ, предъявленное также лицомъ, носившимъ имя Мустафы и выдававшимъ себя за сына султана Баязида I Йилдырыма. Турецкіе историки, за исключеніемъ одного Нешри, называютъ его *Дѳзме Мустафа* = Лже-Мустафою; византійскіе, напротивъ, утверждаютъ, что это былъ настоящій Мустафа, сынъ Баязида, считавшійся пропавшимъ безъ вѣсти во время Ангорской битвы. Этотъ Мустафа еще при султанѣ Мухаммедѣ I заявилъ о своемъ существованіи — пашель поддержку у валашскаго князя Мирче и содѣйствіе

---

1) Подобныя переименованія у Франдзы не рѣдкость: такъ онъ категорически говоритъ, что одинъ христіанинъ по имени Иоаннъ — Ἰωάννης, перешедшій къ туркамъ, принявъ исламъ, переименованъ былъ въ *Челеби* — Τσελεπίς — (Phrantzes, 70), т. е. названъ былъ такимъ собственнымъ именемъ, какого вовсе не существуетъ въ мусульманскихъ святцахъ.

2) Hammer, I: 375—378.

безпokoйного смутяна Джунейда, но потерпѣлъ поражение у Фессалоники и искалъ убѣжища у фессалоникскаго губернатора Димитрія Ласкариса Леонториоса, который для большей его безопасности отправилъ его вмѣстѣ съ Джунейдомъ на о-въ Лемносъ, потому что императоръ Эммануилъ вѣжливо, но рѣшительно отказалъ въ выдачѣ его Мухаммеду, а обязался за извѣстную ежегодную денежную премію держать его подъ арестомъ¹⁾. А когда выдачи Мустафы потребовалъ преемникъ Мухаммеда I Мюрадъ II, греки освободили его на волю, потому что онъ посулилъ имъ отдать имъ, въ случаѣ своего успѣха, во владѣніе довольно большую территорію. Сначала Мустафѣ было-повезло: войска Мюрада во многихъ мѣстахъ передались на его сторону; но онъ грубо отказался исполнить данное грекамъ обѣщаніе²⁾ и жестоко поплатился за свое вѣроломство: императоръ Эммануилъ вошелъ въ договоръ съ султаномъ Мюрадомъ, который послѣ нѣсколькихъ перипетій застигъ своего противника во время бѣгства его изъ Адрианополя въ Валахію въ деревнѣ Кызыль-Агачъ Енидже, гдѣ собственные люди Мустафы связали и выдали его Мюраду, который велѣлъ его повѣсить на одной башнѣ въ Адрианополѣ³⁾. Таковъ былъ конецъ приключеній всѣхъ шести сыновей Баязида I Йилдырыма. Третій самозванецъ Мустафа, также пытавшійся опять престолъ у султана Мюрада, и тоже неудачно, былъ уже родной братъ Мюрада, и тоже кончилъ свою авантюру на висѣлицѣ въ 1423 году⁴⁾.

Для насъ въ этомъ эпизодѣ османской исторіи важно собственно и главнымъ образомъ то, что на всемъ его протяженіи мы нигдѣ однако же не встрѣчаемъ ни одного дѣйствующаго лица, которое бы въ качествѣ османскаго султана носило имя, совершенно ясно и опредѣленно обозначенное у цѣлага ряда западно-европейскихъ писателей XVI вѣка и изображаемое у нихъ въ латинскомъ начертаніи *Calerpinus Cyriscelebes* съ небольшими видоизмѣненіями у иныхъ изъ нихъ.

Трудно вточности сказать, кто первый въ европейской литературѣ пустилъ въ обращеніе вышеприведенное имя; но пока, на основаніи существующихъ налицо источниковъ это первенство принадлежитъ для имени *Calerpinus* Николаю Сагундино, который пишется всегда *Nicolaus Secundipus*, а для имени *Cyriscelebes* — Павлу Ювію: всѣ послѣдующіе писатели XVI и XVII вв. лишь повторяли то, что находили у этихъ двухъ, считавшихся въ свое время авторитетами.

1) Hammer, I: 381—383.

2) Ibid., 403.

3) Ibid., 410.

4) Hammer, I: 415—417.

Вотъ что мы читаемъ въ пространномъ вступленіи доклада Николая Сагундино извѣстному своею ученою любознательностью Энею Сильвію Пякколомини, впоследствии папѣ Пію II: «Petisti namque a me, ut eorum tibi nomina darem, qui Mahumeto Turcorum regi, a primo domui et familiae autore, majores fuissent, ita cuiusque vita et nomina designatis, ut loco et ordine quis cui successisset, intelligere posses»¹⁾— «Ты просилъ меня, чтобы я далъ тебѣ имена тѣхъ, кто, отъ основателя дома и фамиліи, были предки царя турковъ Магомета, дабы ты, по означеннымъ имени и жизни каждаго, могъ уразумѣть, кто кому преемствовалъ по мѣсту и по времени».

Изъ этого вступленія мы узнаемъ, что инициатива къ основательному научному ознакомленію съ османскими турками принадлежала ученѣйшему мужу своего времени и важному и вліятельному по своему исключительному положенію лицу, папѣ Пію II (+ 1464), который и ораторски, и печатно энергически хлопоталъ о подъемѣ воинственнаго духа въ Европѣ для отраженія турковъ, все сильнѣе и сильнѣе дававшихъ чувствовать свою завоевательную стремительность, особенно въ лицѣ султана Мухаммеда II, завоевателя Константинополя, который, очевидно, и разумѣется въ только-что приведенномъ отрывкѣ изъ вступленія къ трактату Николая Сагундино.

Въ виду такой серьезности отношенія Энея Сильвія, т. е. папы Пія II, къ вопросу о генеалогіи царствовавшего дома турецкихъ султановъ, и фактъ обращенія его по этому предмету не къ кому иному, какъ къ Николаю Сагундино, получаетъ для насъ немаловажное значеніе. Выборъ этотъ объясняется тѣмъ, что Сагундино въ частномъ заголовкѣ его трактата названъ «*vir doctissimus*», а слѣдовательно онъ вообще считался или, по крайней мѣрѣ, признавался со стороны Пія II знатокомъ того предмета, который занималъ любознательнаго и ученаго папу.

И дѣйствительно, мы не знаемъ, насколько Николай Сагундино былъ «*vir doctissimus*» вообще, по въ вопросѣ о генеалогіи османскихъ владыкъ во всякомъ случаѣ былъ несравненно компетентнѣе всѣхъ доморожденныхъ европейскихъ полигисторовъ въ родѣ Павла Ювія, какъ это можно думать по нѣкоторымъ имѣющимся біографическимъ даннымъ о личности Николая Сагундино. По этимъ свѣдѣніямъ, Сагундино былъ родомъ съ о-ва Негропонта, или Эвбея, вслѣдствіе чего онъ иногда именуется еще Николаемъ Эвбейскимъ. Онъ въ 1438 году прибылъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ Италію и, благодаря своему прекрасному знанію латинскаго и греческаго языковъ, служилъ толмачемъ на Флорентійскомъ соборѣ. Затѣмъ онъ изъ Венеціи отплылъ-было на о-въ Кипръ; но корабль потерпѣлъ крушеніе, и

---

1) Nicolaus Secundinus, De Turcarum origine, Vitebergae. 1531, in-16°, fol. 1 v.— 2 r.

Сагундино едва спасся съ шестью дѣтьми и опять вернулся въ Венецію, гдѣ онъ тотчасъ же получилъ право гражданства и должность секретаря Республики, а потомъ служилъ въ нѣсколькихъ судебныхъ коллегіяхъ и участвовалъ въ разныхъ посланничествахъ въ Римъ, Неаполь и Константинополь. Когда онъ умеръ, вточности не извѣстно; приблизительнымъ годомъ смерти его считается 1440 годъ; но это едва ли вѣрно, если принять во вниманіе упоминаніе въ его трактатѣ имени султана Мухаммеда, седьмого по счету, т. е. Фатиха, царствовавшего въ 1451—1481 годахъ. Сагундино оставилъ нѣсколько сочиненій и въ томъ числѣ трактатъ «De Turcagum origine», о которомъ въ вышеприведенномъ біографическомъ очеркѣ ошибочно сказано, что будто бы этотъ трактатъ «ist niemals im Druck herausgekommen»¹⁾. Значить, это былъ ученый грекъ, знавшій языки, въ томъ числѣ, вѣроятно и турецкій; человекъ, должно быть, бывалый, наблюдательный и литературный, и потому не даромъ обратившій на себя вниманіе папы Пія II, поручившаго ему составленіе нарочитаго доклада о происхожденіи османскихъ турковъ и ихъ династіи.

Когда Сагундино доходитъ въ своемъ изложеніи до столкновенія Баязида I съ Тамерланомъ, то пишетъ: «At Baiasites ipse, impar profecto viribus, etsi animus minus deerat, infoeliciter proeliatu, ingenti strage superatus, captus tandem atque dimissus paulo post diem extremum clausit. Post hanc cladem acceptam, omnes pene filii eius, qui complures erant, in potestatem et manus Graecorum venere cum. n. ex Asia ob calamitatem patris, periculum evasuri, in Thraciam trajicere contenderent, in naves Graecorum inciderunt, quibus tum fretum et transitus custodiebant. *Calepinus* itaque coeteris natu major emissus a Graecis patrium regnum obtinuit»²⁾ = «И самъ Баязидъ съ недостаточными для успѣха силами, хотя и не слабый духомъ, неудачно сразился, подвергся превосходящему нападенію, былъ взятъ въ плѣнъ и наконецъ, отпущенный, спустя немного окончилъ дни свои. Послѣ этого понесеннаго пораженія, всѣ почти его сыновья, которые были многочисленны, попали во власть и руки грековъ; ибо они, чтобы избѣжать опасности ради отцовскаго несчастья, изъ Азіи устремились переправляться во Фракію, бросившись на корабли грековъ, стерегшихъ тогда проливъ и переправу. Итакъ *Калепинусъ*, старше прочихъ по рожденію, выпущенный греками, овладѣлъ отцовскимъ царствомъ». Затѣмъ,

1) Zedler, Grosses Universal Lexicon. Halle u. Leipzig, 1735 in-fol. Band XXXIII, S. 598.

2) Secundinus, f. В verso. Слово въ слово то же повторяется и въ сочиненіи «Marini Barletii, Scodrensis Sacerdotis, de Scodrensi obsidione et expugnatione», помѣщенномъ въ «Chronicorum Turcicorum... et caetera... a Philippo Lonicero», Francof. ad M. 1578, T. III, f. 232 verso.

сказавъ нѣсколько словъ объ успѣшномъ столкновеніи этого преемника Баязида съ Сигизмундомъ венгерскимъ, Сагундино продолжаетъ: «*Calepino post haec mortuo, Orchane filio tenella aetate adolescentulo quorundam principum ductu regnum occupare conanti, Moses patruus armis infeste occurrit, et magis proditione quam pugna adolescentulum oppressum extinxit, haud multo post et ipse nullo superstite filio desideratus est. Hunc Mahumetes frater subsecutus, regnum incruente adeptus is tum armis et diligentia tum dolo et astu regnum terra marique non modo incolume tenuit, verum etiam adiunxit*»¹⁾ = «Когда послѣ этого *Калепинусъ* умеръ, и когда сынъ его Орханъ, молоденькій юноша, попытался подъ руководствомъ нѣкоторыхъ князей завладѣть царствомъ, то дядя его по отцу Муса встрѣтилъ его враждебно съ оружіемъ въ рукахъ и, болѣе предательствомъ нежели битвою побѣжденнаго, уничтожилъ мальчика; а спустя недолго и самъ скончался не оставивъ сына. Слѣдовавшій за этимъ братъ Мухаммедъ безъ кровопролитія достигъ царства. И онъ, то оружіемъ и мудростью, то коварствомъ и хитростью, не только содержалъ царство въ цѣлости съ суши и съ моря, а еще приумножилъ присоединеніями».

Въ концѣ своего сочиненія Сагундино даетъ такой перечень султановъ османской династіи: «*Verum si ab Othomano domus huius auctore incipere vis, his amissis, qui nullo haerede superstite decessere reliquos ordine recensendo Orchanem invenies secundum, Amuratem maiorem tertium, Baiasitem quartum, Mahumetem superiorem quintum, Amuratem iuniorem sextum, Mahumetem hunc postremo, septimum*»²⁾ = «Если же ты желаешь начать съ Османа, основателя этой династіи, то, допуская лишь тѣхъ, которые не уступали никакому бывшему въ живыхъ наслѣднику, прочихъ получишь въ такомъ послѣдовательномъ порядкѣ — Орхана вторымъ, Мюрада старшаго третьимъ, Баязида четвертымъ, Мухаммеда старшаго пятымъ, Мюрада младшаго шестымъ и напоследокъ Мухаммеда седьмымъ».

Тутъ уже Сагундино повидимому умышленно пропускаетъ того, который значится въ его «*brevis regum curriculo*» подъ именемъ *Calepinus*, если не предположить, что вышеозначенный повторительный перечень султановъ есть побочное добавленіе, не принадлежавшее самому Сагундино, а можетъ быть позднѣйшему издателю его трактата, который, обращаясь во второмъ лицѣ «*si... incipere vis*», имѣлъ въ виду всякаго читателя, а не папу Пія II, къ которому адресуется самъ Сагундино во вступленіи къ своему

---

1) Ibid., f. B ij recto.

2) Ibid., f. B V verso.

трактату. Какъ бы то ни было, но всѣ почти многочисленные послѣдующіе авторы ставятъ *Calepinus'a* на пятомъ мѣстѣ въ ряду османскихъ султановъ, и даже иногда съ приложеніемъ его изображенія. А нужно замѣтить, что турками въ XVI в. занимались чрезвычайно много ученыхъ, и даже такіе изъ нихъ, которымъ, казалось бы, совсѣмъ было не до того, каковы Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, Лютеръ и Меланхтонъ.

Изъ нихъ прежде всего надо указать на сочиненіе Энея Сильвія, папы Пія II «*Asiae Europaeque elegantis. descriptio*». Глава III этого довольно объемистаго труда содержитъ въ себѣ «*Descriptio de Turcarum origine et propagatione, victu, vetustate et moribus eorum*», гдѣ авторъ повторяетъ о Баязидѣ, названномъ у него *Puzaites*, и о *Calepinus'н* цѣликомъ почти все то, что заключалось въ сочиненіи Сагундио «*De Turcarum origine*», и кое-что еще добавляетъ изъ другихъ источниковъ. Сообщая нѣкоторыя не лишеныя для нашей цѣли подробности о *Calepinus'н*, ученый папа отступаетъ отъ Сагундио лишь въ транскрипціи этого загадочнаго имени, которое при пятикратномъ всего упоминаніи имѣетъ у него три варианта — *Calepinus*¹⁾, *Chialapius* и *Chialapinus*²⁾.

Не то мы видимъ у Павла Ювія въ его книжкѣ «*Turcarum rerum commentarius*», къ которой Филиппъ Меланхтонъ присовокупилъ собственное предисловіе, гдѣ онъ превозноситъ необыкновенную ученость Павла Ювія и свидѣтельствуетъ о популярности его книжки о туркахъ, именуемой у него «*Epitome historiae Turcicae ab homine prudentissimo Paulo Jovio conscripta*»³⁾. У Павла Ювія точно также за султаномъ Баязидомъ слѣдуетъ *Calepinus*, но только съ видоизмѣненіемъ, которое Ювій противопоставляетъ общепринятой, какъ онъ говоритъ, формѣ этого имени, и прежде всего оспариваетъ Николая Сагундио въ такомъ видѣ: «*Calepinus. Ex Angoriensi conflictu aliquot Baiazetis filii aufugerunt, atque in Graecorum manus qui Hellespontem classe custodiebant, pervenere. Unus autem ex iis favente fortuna evasit, atque Andrinopolim perductus est. Isque Cyriscelebes*

1) Pii II, Pon. M. Asiae Europaeque elegantis. descriptio, mira festivitate tum veterum recentium res memoratu dignas complectens, maxime quae sub Frederico III apud Europaeos Christiani cum Turcis, Prutenis, Soldano, et caeteris hostibus fidei, tum etiam int. sese vario bellorum eventu commisserunt. Cum privilegio Imp. ad quadriennium anno domini 1531. P. 311.

2) Ibid., p. 323.

3) *Turcarum rerum commentarius Pauli Jovii episcopi Nucerni ad Carolum V. Imperatorem Augustum, ex Italico Latino factus, Francisco Nigro Bassianate interprete. Addita est praefatio Philippi Melan. Vitebergae ex officina Josephi Clug. Anno 1537. F. iiii recto.* — Филиппъ Меланхтонъ вторично напечаталъ это сочиненіе Павла Ювія въ сборникѣ сочиненій о Турціи и туркахъ, извѣстномъ подъ заглавіемъ «*Mahumetis Saracenum principis... Alcoran etc. opera et studio Theodori Bibliandri*». Tomi tres. Basileae, 1543; in-fol. Pp. 107—135.

non autem *Calepinus* vocabatur, quemadmodum Nicolaus Secundinus credidit, qui Turcarum genealogiam Latino sermone conscriptam Pio Papae dicavit. Id quod in causa fuit, ut fere omnes alii corrupta veri nominis pronunciatione pro *Cyriscelebe Calepinum* dixerint. Hic igitur *Cyriscelebes* instauratis imperii-viribus adventanti Sigismundo viriliter se opposuit¹⁾ = «*Калепинусъ*. Нѣкоторые сыновья Балзида бѣжали изъ Ангорской стычки и попали въ руки грековъ, которые стерегли Гелеспонтъ съ флотомъ. Одинъ же изъ нихъ спасся по счастливой случайности и добрался до Адрианополя. Онъ называется *Цирисцелесъ*, а не *Калепинусъ*, какъ думалъ Николай Сагундино, который посвятилъ папѣ Пію написанную имъ на латинскомъ языкѣ генеалогію турковъ, что и было причиною, что почти всѣ прочіе выговаривали испорченнымъ произношеніемъ настоящаго имени вмѣсто *Цирисцелесъ Калепина*. Итакъ этотъ *Цирисцелесъ* съ восстановленными силами имперіи и выступилъ противъ подступавшаго Сигизмунда». Далѣе Іовій говоритъ, что Цирисцелесъ побѣдилъ Сигизмунда и началъ потомъ опустошать константинопольскіе предѣлы, но оказался слабъ и промѣнялъ жизнь на смерть въ цвѣтущемъ своемъ возрастѣ, процарствовавъ около шести лѣтъ²⁾.

Послѣ такого критическаго отзыва Павла Іовія о неправильности имени *Calepinus* у Николая Сагундино, каковое онъ предложилъ замѣнить болѣе правильнымъ, по его мнѣнію, именемъ *Cyriscelebes*, другіе писатели XVI в. не сразу присоединяются къ Павлу Іовію, а все еще продолжаютъ употреблять то имя *Calepinus*, то *Cyriscelebes*, а чаще всего обыкновенно ставятъ рядомъ оба эти имени, какъ равносильныя, иногда варьируя ихъ, но вообще не отдавая себѣ въ этомъ отчета, пока наконецъ нѣкоторые не сочли нужнымъ разобраться въ такой несообразности и не попытались выяснить ее, и, надо отдать имъ справедливость, не безъ успѣха достигли этого, какъ увидимъ далѣе.

Такъ въ анонимной книжечкѣ, изданной вмѣстѣ съ сочиненіемъ Бартоломея Георгіевича, іерусалимскаго пилигрима и, судя по прозвищу, славянина по происхожденію, много писавшаго о туркахъ, послѣ краткаго предисловія Меланхтона слѣдуетъ «*Catalogus Turcorum imperatorum*», т. е. двѣнадцать самоизмышленныхъ и, конечно, лубочныхъ изображеній турецкихъ султановъ съ подписями при нихъ, въ которыхъ обозначено время смерти и сроки царствованія ихъ. И вотъ надъ портретомъ, помѣщеннымъ на страницѣ тринадцатой, стоитъ надпись: «*V. Cyriscelebes*», а подъ портре-

1) Ibid., f. 15 verso.

2) Ibid., f. 16 r.

томъ читаемъ: «*Cyriscelebes*, Baiazeti filius, quintus Turcarum Imperator, valde juvenis ad imperium pervenit. Cum Sigismundo Imperatore Romani Imperii, qui Rex Ungariae tum fuerat, conflixit eumque in campo Salumbeci superavit ac devicit. Iuvenis adhuc mortuus est, regnavit circiter sex annos»¹⁾) = «V. *Цирискелебесъ*, сынъ Баязида, пятый императоръ турковъ, очень молодымъ достигъ власти. Столкнулся съ Сягизмундомъ императоромъ Римской Имперіи, который былъ тогда королемъ Венгріи, одолѣлъ и побѣдилъ его въ долинѣ Салумбекской. Онъ умеръ еще юношею, царствовалъ около шести лѣтъ». Здѣсь мы уже встрѣчаемся съ вариантомъ имени *Cyriscelebes* въ видѣ *Cyriscelebes*, съ буквою *k* вмѣсто *c* въ серединѣ, также неизвѣстно откуда взявшимся, но очень важнымъ для послѣдующихъ соображеній.

Въ другомъ объемистомъ сочиненіи Филиппа Лоницера также есть изображенія турецкихъ султановъ, и надъ однимъ изъ нихъ (см. приложенный рисунокъ) имѣется надпись: «*Calepinus Cyricelibes* qui et *Cibellinus*, quintus Turcorum Imperator», и затѣмъ далѣе въ текстѣ говорится: «Post cladem Baiazethis filius eius *Calepinus Cyricelibes*, quem et *Cibellinum* nominant, fuga elapsus Hadrianopolim pervenit»²⁾) = «Послѣ пораженія Баязида, сынъ его *Калепинусъ Цириселибесъ*, котораго называютъ и *Цибеллиномъ*, бросившись въ бѣгство, достигъ Адрианополя». Опять пѣлыхъ два варианта прежняго *Cyriscelebes* — одинъ въ формѣ *Cyricelibes*, а другой — *Cibellinus*, но безъ всякой оговорки или замѣчанія со стороны автора объ источникѣ заимствованія имъ этихъ вариантовъ.

Затѣмъ не только уже возникаютъ сомнѣнія въ правильности обоихъ именъ *Calepinus* и *Cyriscelebes*, но являются попытки доискаться истины. Такъ въ сочиненіи Антонія Жофруа, переведенномъ съ французскаго на латинскій, подъ заглавіемъ «*Descriptio aulae Turcicae et Otthomannici imperii*», въ томъ мѣстѣ, гдѣ дословно повторяются слова Павла Іовія о пораженіи Баязида I и бѣгствѣ сыновей его, читаемъ: «*Unus vero ipsorum dictus Cyris, à Gallis Quirici, ab aliis Calepinus vel Calapin, favente fortuna Adrianopolim pervenit; isque Cyriscelebes vocabuntur (sic!). Ego existimo errorem hujus cognominis venisse inde, quod appellaretur Cyris,*

1) De origine imperii Turcorum, eorumque administratione et disciplina, brevia quaedam capita notationis loco collecta. Cui libellus de Turcorum moribus collectus à Bartholomaeo Georgieviz, adiectus est, cum praefatione reverendi viri D. Philippi Melancthonis. Widebergae. Anno 1560, in-16°, s. p.

2) Chronicorum Turcorum in quibus origo, principes, imperatores... et caetera huc pertinentia, continuo ordine et perspicua brevitate exponuntur... Accessere Narratio de Baiazethis filiorum seditionibus. Tomus primus. Omnia nunc primum bona fide collecta, sermoneque latina exposita, à reverendo et doctissimo viro, D. Philippo Lonicero Theologo impressum Francoforti ad Moenum, 1578. Tomi tres in-folio. T. I, lib. prim., f. 16 recto.

Cheleby, *Mehmet Cheleby*, *Mustapha Chelebi*, id est nobili prosapia descendens, ut apud Hispanos dicuntur Don Alphonsus, Don Rodericus, et Galli voce *Monsieur* utuntur qui titulus est eorum qui sunt è regio sanguine nati¹⁾ = «Одинъ изъ нихъ называемый *Цирусъ*, французами — *Кирусси*, а другими — *Калепинусъ* или *Калатинъ*, при благоприятномъ случаѣ достигъ Адрианополя; онъ же называется *Цирусцелебесъ*. Я же думаю, что ошибочность этого прозвища произошла оттого, что *Цирусъ*, *Челеби* назывался бы Мегметъ *Челеби*, Мустафа *Челеби*, т. е. происходящій изъ благороднаго поколѣнiя, какъ у испанцевъ говорятъ *Донъ-Альфонсъ*, *Донъ-Родерикъ*, а французы пользуются словомъ *Monsieur*, которое есть титулъ тѣхъ, кто рождены отъ царской крови».

Свидѣтельство А. Жофруа важно въ томъ отношенiи, что въ немъ собраны вмѣстѣ почти всѣ варианты одного и того же искомаго имени, можетъ быть взятые имъ изъ книгъ, а также, несомнѣнно, и подслушанные имъ въ живой рѣчи во время его пребыванiя въ Турции, и потому составляютъ цѣнный материалъ для нашихъ послѣдующихъ заключенiй. А потому, пока не останавливаясь на ближайшемъ разсмотрѣнiи приведенныхъ данныхъ Жофруа, переходимъ къ прочимъ писателямъ, касавшимся занимающаго насъ предмета.

Оставляя въ сторонѣ многихъ второстепенныхъ авторовъ по незначительности ихъ сочиненiй, слѣдуетъ остановиться главнымъ образомъ на тѣхъ изъ нихъ, которые сознательно, а потому и основательно отнесли къ вопросу о достовѣрности имени *Calepinus Cyriscelebes*. Таковъ, къ сожалѣнiю неизвѣстный, авторъ итальянецъ, сочиненiе котораго въ нѣмецкомъ переводѣ Гейнриха Мюллера, носитъ названiе «*Türkische Chronica*», гдѣ не названъ авторъ итальянскаго оригинала. Опъ, дословно повторивъ о Калепинусѣ то, что говоритъ Павелъ Ювiй, поверхъ довольно большого изображенiя сомнительнаго султана, вслѣдъ за этимъ портретомъ присовокупляетъ: «*Dieweil aber die Scribenten über dieses Namen uneinig sind und nicht gleich eynstimmen, hab ich diser Sachen fleissiger wollen nachdenken, und zu erkundigung der warheit, dieweil sie auss keinem Scribenten in*

---

1) *Aulae Turcicae Othomannicque Imperii descriptio qua turcarum palatina officia, mores... primum ab Antonio Geufraeo Gallice edita: recens autem in Latinam linguam conversa per Wilhelmum Godelevaeum. Basileae, 1573, in-8° min., p. 55.* Въ нѣмецкомъ переводѣ: «*Hoffhaltung des Türckischen Keisers und Othomanischen Reichs beschreibung etc. Erstlich durch Anthonium Geuffreum ein Iohanniter Herrn, welcher ein lange zeit an dem Türckischen hoff hat gewohnet, in Französischer spraauch beschriben: Nachmals von Wilhelm Godeleveo auss dem Französischen in das Latein gebracht: Letslich auss dem Latein im das recht hoch Teutsch erst newlich mit Fleiss verteutschet durch Nicolaum Höniger von Tauber Königshoffen. Gedruckt zu Basel. 1578, in-folio, p. rlvii.*

Griechischer, Lateinischer oder Hebreischer Sprach, hat können ergründet werden, mit Fleiss die Arabische und Chaldeische Bücher übersehen, und befinde der warheit darinn gemess, was bey andern streitig. Nemlich, dass er mit seinem rechten Namen *Calepinus*, und mit dem Zunamen *Cyriscelibes*, genannt worden, in ansehung der eygenschaft und deutung dess wörtleins. Uund diese halten es dafür, dass es ein zugesetzter Name sey *Cyricelibes*, setzen auch, meines erachtens, genugsamen schein und ursachen, und ich auch gebe jnen beyfall, dann der verstendige treffliche Scribent Secundinus würde sonder zweiffel nicht so leicht on ursach den Namen geendert, und dem Bapst hierinn unrechten bericht gethan haben»¹⁾ = «Поелпку же писатели не единогодушны относительно этого имени и не вполне согласны, то я захотѣлъ тщательню обдумать эту вещь и, чтобы дознаться истины, которая не могла быть разгадана изъ писателей на греческомъ, латинскомъ или еврейскомъ языкахъ, прилежно пересмотрѣлъ арабскія и халдейскія книги и нахожу истину въ томъ, что у другихъ спорно, а именно, что оны назывался своимъ настоящимъ именемъ *Калепинусъ* съ прозваніемъ *Цирисцелибесъ* въ разсужденіи свойства и значенія слова. И полагаютъ, что *Цирисцелибесъ* есть добавочное имя, и на кажущемся достаточнымъ, по моему мнѣнію, основаніи. И я соглашаюсь съ ними, потому что *разсудительный, превосходный писатель Секундинусъ, безъ сомнѣнія, столь легко и безприничино не измѣнилъ бы имени и не сдѣлалъ бы неправильнаго доклада папѣ*».

Въ этой рецензіи мы впервые встрѣчаемся съ наукообразнымъ отношеніемъ неизвѣстнаго автора къ явно сомнительному историческому факту, подвергнутому имъ болѣе основательной критикѣ, чѣмъ голословное заявленіе Павла Ювія о томъ, что Сагундино ошибался²⁾. Остроумное чутье этого ученаго человѣка какъ нельзя болѣе оправдывается и тѣми данными касательно занимающаго насъ предмета, которыя мы находимъ у Антонія Жофруа, почерпнуваша эти данныя въ живомъ первоисточникѣ, на мѣстѣ, во время своего долготѣнаго пребыванія при дворѣ турецкомъ. Очень

1) Türkische Chronica. Warhaftste eigentliche und kurtze Beschreibung der Türcken Ankunft, Regierung, Königen und Keysern. Von der Aufruhr zwischen dem Keyser Baiazeth und seinen Sönen. Etc. Vormals auss Italiänischer Sprach in unser Teutsche verdolmetscht durch weyland den hochgelehrten Heinrich Müller der rechten Licentiaten... etc. Franckfurt am Mayn. 1577 in-folio. Erster Theil, fol. 9 verso—10 recto.

2) О Павлѣ Ювіѣ не всѣ писатели того времени были одинаково высокаго мнѣнія: Левенклавъ, болѣе авторитетный и солидный изъ нихъ, силою и рядомъ отмѣчаетъ ошибки Ювія, а однажды даетъ такой неслестный отзывъ о немъ: «Isque focus adeo praestrixit Iovii quoque, fumos in historia vendentis, oculus, ut eum dicere non puderet...» etc. (Historiae Musulmanae Turcorum. Opus Io. Leunclavii Amelburni. Francofurt, 1591, in-folio, p. 8).

могло быть, что именно эти данные, вмѣстѣ съ начятанностью автора въ восточныхъ книгахъ, и павели его на исполнѣ правильную мысль о совершенной отдѣльности словъ *Calepinus* и *Cyriscelibes* съ отрицаніемъ полнаго тожества ихъ. У него не хватило только смѣлости, а можетъ быть и знаній, для того, чтобы пойти дальше по пути къ искомой имъ истинѣ, и онъ оставившись на признаніи слова *Calepinus* собственнымъ именемъ пѣкоего турецкаго султана, а слова *Cyriscelibes* — добавочнымъ къ нему прозвищемъ, не добравшись до уразумѣнія того, что оба эти слова были прозвища, и ни одно изъ нихъ не было и быть не могло собственнымъ именемъ. До этого додумался другой писатель XVI вѣка, который весьма обстоятельно разобрался какъ въ значеніи и употребленіи этихъ двухъ сомнительныхъ словъ-эпитетовъ, такъ и въ самомъ историческомъ фактѣ османской исторіи, въ связи съ которымъ сдѣлались популярны въ жизни и литературѣ эти два загадочныхъ слова, породившихъ столько разнорѣчій и недоумѣній у писателей XVI вѣка, занимавшихся судьбами османскаго государства, такъ громко дававшего о себѣ знать тогдашней Европѣ. Этотъ остроумный и основательный ученый былъ Гансъ Левенклавъ, къ которому мы и обратимся теперь въ заключеніе нашего обзорѣя литературы предмета въ XVI вѣкѣ.

Левенклавъ былъ человекъ большой эрудиціи, какъ это видно изъ его огромнаго труда, представляющаго цѣлый сборникъ какъ переводныхъ сочиненій, такъ и собственныхъ его изслѣдованій, подъ заглавіемъ *Pandectes* въ видѣ комментарія къ переведенной имъ турецкой хроникѣ, составленныхъ имъ, какъ онъ говоритъ, «по основательнымъ извѣстіямъ, полученнымъ во время своего путешествія въ Турцію отъ достовѣрныхъ людей»¹⁾. Поэтому его соображенія, всегда очень мѣткія и проицательныя, пмѣютъ для насъ особенную цѣнность, такъ какъ ими положенъ конецъ путаницѣ въ занимающемъ насъ вопросѣ, созданной его предшественниками.

Объ имени *Calepinus* Левенклавъ высказывается по поводу имени сына одного турецкаго князя, который, говоритъ онъ, у Энея Сильвія, папы Пія II, пазванъ *Sponderbey*. Замѣтивъ, что его имя «находится худо написаннымъ въ печатномъ сочиненіи Лаоника (Халкокондила) *Spender*, который, то же что *Sphender*, турками пазывается *Isuendiâr bey*». И вотъ, продолжая свое изслѣдованіе, онъ пишетъ: «Возвращаясь опять къ генеалогіи османскихъ князей, я не безъ основанія впадаю въ сомнѣніе, точно ли

---

1) Hans Lewenklaw, *Neuwe Chronica Türckischer nation von Türcken selbs geschriben: volgendens gemehrt und in vier Bücher abgetheilt*. Etc. Franckfurt am Mayn. 1590, S. s. 8 unnumer. + 434 + 12 unnum. + 104 + 6 unnum. + 435 — 535 + 10 unnum. in-folio. S. 54.

султанъ Мюрадъ (II) имѣлъ съ дочерью этого Сфендера, или Исвендіара, двухъ сыновей. Лаоникъ, правда, упоминаетъ только одного единственнаго, котораго Андрей Камбрини Флорентійскій называетъ *Калатиномъ* — *Calapinum nepnet* —¹⁾ что есть скорѣе прозвище, нежели настоящее имя, потому что *Calapinus* есть испорченное слово изъ турецкаго *Zelevi*, о которомъ говорятъ, что оно значитъ *благородный* — *Edel*. Другіе называютъ его *Chialap*, которое по итальянскому обычаю выговаривается *Zialab*, и есть прежнее *Zelevi*²⁾.

Принявъ однажды категорически, что слово *Calapinus* тождественно съ *Zelevi*, со ссылкой на предыдущее свое изъясненіе значенія этого послѣдняго³⁾, Левенклавъ болѣе уже не возвращается къ нему; но имя *Cyriscelebis* нѣсколько разъ служитъ предметомъ его разсужденій и соображеній, и очень основательныхъ, которыя сводятся у него къ тому, что и это слово также не есть собственное имя, а только прозвище, и притомъ почти тождественное въ своемъ значеніи и употребленіи съ словомъ *Calapinus*.

Производя изысканія относительно того, что «не слѣдуетъ ли подъ тремя именами *Ортобулесь*, *Мусулманъ* и *Сулейманъ* разумѣть только единственно Эмира Сулеймана, сына Баязида; что *Цирисцелебисъ* и *Муса* не два лица, а одно, и что значитъ *Цирисъ* — *Cyris*»⁴⁾ — Левенклавъ заявляетъ: «Я много и часто мучился разными думами, когда сравнивалъ турецкую хроникку съ Лаоникомъ (Халкокондилломъ) и другими *нашими* исторіями. Среди нихъ турки пишутъ, что старшій сынъ Баязида былъ эмиръ Сулейманъ; иной даетъ извѣстіе о двухъ различныхъ сыновьяхъ Баязида, которые были старше; другіе (пишутъ), что это были Ортобулесь и Мулсуманъ; третьи, и именно *наши*, выступаютъ еще съ другимъ и вставляютъ его сюда — *und flicken denselben mit hinein* —, который названъ ими *Цирисцелебисъ* — *Cyriscelebis*. Наконецъ я пришелъ къ тому убѣжденію, что или надо совсѣмъ исключать *Цирисцелеби*, такъ какъ о немъ совершенно ничего не знаютъ ни греки, ни турки, или же слѣдуетъ приурочить его къ личности Мусы — *auff des Mosis Person ziehen müsse* —, какъ объ этомъ сейчасъ будетъ сказано, а слѣдовательно двухъ другихъ, *Ортобула* и *Мулсумана* признать за одного сына Баязида, а именно за Сулеймана, относительно котораго Лаоникъ и греки (вообще) заблуждались, думая, что будто онъ послѣ завоеванія города Себаста былъ умерщвленъ Темиромъ.

1) Commentario de Andrea Cambini (a ne Cambrini) Fiorentino della origine de Turchi et Imperio della casa Ottomana. Vincica, 1541, in -16°, libro primo, f. 7 verso.

2) Op. citat., III, p. 158.

3) Op. cit., p. 158.

4) Op. cit., p. 219.

Это мнѣніе основано на томъ, что имя *Ортобулесь*, по моему убѣжденію, не турецкое, а греческое имя, и значить въ греческомъ языкѣ то же, что въ турецкомъ слово *Мусуланъ*..., потому что *Ортобулесь* у грековъ означаетъ того, кто здраваго разума и здравой воли. Слѣдовательно совершенно ясно и очевидно, гдѣ причина ошибки и заблужденія Лаоника, почему онъ изъ одного сына Баязида сдѣлалъ двухъ: онъ раздѣляетъ и различаетъ на двоихъ одного, который въ разныхъ языкахъ имѣлъ два разныхъ имени, хотя и одинаковыхъ по значенію. И никто не возьметъ на себя возразить мнѣ, что *Мусуланъ* иное, чѣмъ *Мулсуманъ*, потому что мнѣ многократно встрѣчалось въ греческихъ исторіяхъ и въ другихъ книгахъ, что вмѣсто слова *Мусуланъ* пишутъ и выговариваютъ *Мулсуманъ*¹⁾.

Ставъ на точку зрѣнія, которую нельзя не признать совершенно правильною, Левенклавъ потомъ ведетъ довольно обширную и весьма убѣдительною аргументацію въ пользу выставленнаго имъ вначалѣ положенія, совершенно правильно, какъ я провѣрилъ, опираясь на свидѣтельства османскихъ хроникъ и современника-очевидца смуть, порожденныхъ нашептвемъ Тимура, Шильтбергера, и рѣшительно разоблачаетъ неточность и сбивчивость показаній византійскихъ историковъ²⁾.

Покончивъ съ этимъ, Левенклавъ далѣе съ меньшею обстоятельностью и ученою находчивостью подвергаетъ критикѣ слово *Cyriscelebi* и не безъ успѣха добирается до источника его возникновенія и проникновенія въ европейскую историческую письменность XVI вѣка. Вотъ что по этому предмету пишетъ онъ.

«Что касается *Cyriscelebi*, то нужно видѣть, что пишутъ о немъ тѣ, которые сообщаютъ извѣстіе о немъ, чтобы хорошенько распознать его. А тамъ не находится ничего, кромѣ явнаго смѣшенія вещей, одна часть которыхъ относится къ Сулейману, а другая къ Мусѣ. О *Cyriscelebi* сообщаютъ вособенности, что онъ былъ захваченъ Темиромъ, но все-таки бѣжалъ изъ тюрьмы. Это совершенно непонятно относительно Сулеймана, потому что хотя нѣкоторые пишутъ, что будто бы онъ послѣ сраженія съ Темиромъ былъ захваченъ вмѣстѣ съ своими другими братьями у Константинополя при переправѣ изъ Анатоліи въ Европу людьми греческаго императора, что по многимъ причинамъ не совсѣмъ похоже на истину, но у грековъ не имѣется ничего яснаго и настоящаго насчетъ того, чтобы Темиръ когда-либо держалъ его у себя въ тюрьмѣ. Турки же опредѣленно пишутъ, что когда паши увидѣли, что битва съ Темиромъ потеряна съ ихъ

---

1) Op. cit., pp. 222—223.

2) Ibid., pp. 223—224.

стороны, то взяли съ собою эмира Сулеймана и бѣжали оттуда. Напротивъ того Лаоникъ ясно и очевидно сообщаетъ во многихъ мѣстахъ, что сынъ Баязида Муса — Moses — былъ захваченъ въ стычкѣ съ Темиромъ и потомъ уведенъ имъ и имѣлъ бесѣду въ лагерѣ съ Темиромъ. И еще далѣе Лаоникъ говоритъ такъ: «Темиръ поспѣшилъ въ городъ Херію и повелъ съ собою Баязида вмѣстѣ съ его сыномъ Мусою, съ которымъ онъ былъ не особенно обходителенъ, а потому онъ ударился въ бѣгство и утекъ въ страну отцовъ»¹⁾.

«То же самое повторяетъ вышеупомянутый Лаоникъ въ третій разъ, въ началѣ четвертой книги, когда онъ говоритъ: «Муса былъ отпущенъ на свободу и водою по морю прибылъ въ страну отцовъ»²⁾. Если такимъ образомъ взять былъ Темиромъ въ плѣнъ Цирисцелибисъ, или хотя бы даже и Муса, а не Сулейманъ, то, значить, Цирисцелибисомъ будетъ скорѣе Муса, нежели Сулейманъ. Также не находятъ, чтобы именуемый греками Мулсуманъ, или турками Сулейманъ, одно и то же лицо, гдѣ-либо былъ называемъ *Celebi* или *Zelebi*: обыкновенно находятъ, что турки постоянно называютъ его *Эмиръ* Сулейманъ. Напротивъ, Мойсей, или Муса не носитъ ни имени *эмира*, ни *султана*, ни другого какого, а только *Челеби* — *Zelebi* —³⁾. Кто же позтому станетъ сомнѣваться, что Муса не былъ Цирисцелибисъ? Я скажу еще вѣчто другое, чего *никто никогда до меня не думалъ* — *da gar nie keiner vor mir gedacht* — . Никто изъ всѣхъ историковъ, которые сообщаютъ о Цирисцелибисѣ, не говоритъ, есть ли имя Цирисцелибисъ турецкое, или арабское, или греческое имя. Только Антоній Жофруа говоритъ, что Цирисцелибисъ есть сложное изъ двухъ словъ имя — *Cyris* и *Celebi*, подобно тому какъ называются Мегметъ-Целеби и Мустафа Целеби, или что

1) Op. cit., p. 225. — Chalcocondylas, edit. Niebuhrii. Вонпае, 1844, p. 158.

2) Это мѣсто, хоть и вполнѣ тожественно съ Левенклавомъ, находится у Халкокондила не въ началѣ четвертой книги, а въ книгѣ третьей, на стр. 165. Въ указанномъ же Левенклавомъ мѣстѣ исторія византійскаго писателя названъ не Муса, а *Iucys*, старшій сынъ Баязида — *Ἰρσοῦς ὁ πρεσβύτερος τῶν Παλαζήτεω παίδων*. — Но это обстоятельство не ослабляетъ аргументаціи Левенклава, потому что въ такомъ случаѣ Халкокондилъ оказывается въ самопротиворѣчіи, если только не предположить тутъ иного чтенія въ хроникѣ Халкокондила, которую пользовался Левенклавъ. Какая-то неясность хроники въ этомъ мѣстѣ усугубляется еще тѣмъ, что тутъ же имѣется перечень сыновей Баязида и при этомъ названы два *Iucys* — *Ἰρσοῦς ὁ πρεσβύτερος... κχι Ἰρσοῦς ὁ νεώτερος*, кромѣ Мусы — *Μωσῆς*.

3) Это, положимъ, не совсѣмъ точно: хотя бы взять извѣстнаго турецкаго историка Аали-эфенди, современника Левенклава, который приставляетъ къ именамъ сыновей Баязида всяческіе титулы — *امیر*, *سلطان*, *شاه*, *چلبی*, но титулъ *امیر* и онъ придаетъ одному лишь Сулейману. Другіе же, какъ напр. Сеадъ-Эддинъ, придерживаются строгой опредѣленности въ употребленіи вышеозначенныхъ титуловъ, и притомъ въ томъ смыслѣ, какъ указываетъ Левенклавъ.

то же Мегметъ Благородный — der Edel, — Мустафа-Благородный¹⁾. Это вѣрно и совершенно правильно имъ сказано. Я не могу только допустить, чтобы, подобно тому какъ *Celebi* есть прозвище, а *Мегметъ* и *Мустафа* — настоящія имена, точно также и *Cyris* могло быть въ турецкомъ или арабскомъ языкѣ настоящимъ именемъ человѣка, потому что всѣ, кто изучаютъ языки, въ этомъ согласятся со мною. Изъ сего слѣдуетъ, что *Cyris* происходитъ изъ другого, а именно изъ греческаго, самаго близкаго — am meist beachtbarter — туркамъ языка. Греки уже нѣсколько столѣтій, когда они хотятъ назвать кого-нибудь господиномъ, употребляютъ не старое слово *Kyrios*, а *Kyros* и *Kyris*. И не знали этого тѣ, которые перевели полатынски Кедрина и еще недавно *de Officiis Palatii* Куропалата. Поэтому Ксиландеръ дѣлаетъ изъ *Kyros Cosmas* очень плохое имя человѣка *Cyrus Cosmas*, тогда какъ онъ долженъ бы былъ перевести *господинъ* Козьма. Другой пишетъ: *Cyrus Andronicus Palaeologus*, что должно значить: *господинъ* Андроникъ. Точно также греки говорятъ *Kyra*, т. е. госпожа или дама, когда говорятъ о женской особѣ высокаго положенія. Слѣдовательно мы видимъ также, что *Cyriscelebis* должно быть раздѣлено на два слова, а именно на *Kyris Kelebis*, которыя значатъ то же, что *господинъ Celebis*. А такъ какъ Сулейманъ не имѣлъ прозванія *Celebi*, а Муса имѣлъ его, то мы наконецъ заключаемъ, что Муса былъ *Cyriscelebis*, обыкновенно называемый погречески Господинъ Целеби — *Herr Celebi*. Изъ этого разсудительные читатели могутъ понять всѣ основанія моего мнѣнія объ этихъ сыновьяхъ Баязида, и имъ предоставляется отъ меня свободно или допустить ихъ или же опровергнуть лучшими аргументами²⁾.

Такимъ образомъ Левенклавъ довольно убѣдительно разъяснилъ, что никакого турецкаго султана по имени *Cyriscelebis* не существовало, доказавъ, что это не есть собственное имя, а только прозваніе, или, вѣрнѣе сказать, почетный титулъ, превращенный въ собственное имя сперва должно быть на мѣстѣ, въ самой Турціи, а потомъ естественно и въ старинной европейской исторической литературѣ. И хотя послѣ него еще нѣкоторые европейскіе историки повторяютъ устарѣлыя сказанія о султани *Cyriscelebis*'н³⁾, но другіе начинаютъ уже смотрѣть на это какъ на фавулу⁴⁾. Тѣмъ удивительнѣе, что позднѣйшіе историки Турціи совершенно игно-

1) Loc. cit.

2) Op. cit., pp. 225—226.

3) Напр. въ анонимномъ сочиненіи «Kurtze Beschreibung der gantzen Türckey und Abbildung aller Sultanen. S. 1. et a., in-folio, S. 8 & 9.

4) Напр. Sandy's eines Engelländer Reise nach Europam, Asiam und Africam gethan im Jahr 1610. Franckof. 1699, in-16°, S. 97.

ривали такое крупное недоразумѣніе, длившееся въ предыдущей европейской исторической литературѣ болѣе нежели цѣлое столѣтіе. Гаммеръ, наприимѣръ, не только не оспариваетъ, а даже и не упоминаетъ того, что мы видѣли у европейскихъ писателей XVI вѣка относительно словъ *Calerpinus* и *Cyriscelebis*, принимавшихся за имена небывалаго султана, и только мимоходомъ, по поводу прозванія, даннаго византійскими историками султану Мухаммеду I, дѣлаетъ объ этомъ прозваніи замѣчаніе, въ которомъ, вмѣсто того чтобы выяснитъ заблужденіе византійцевъ, подкрѣпляетъ его собственнымъ мудрованіемъ. Остановившись на томъ, что Мухаммеду I-му у византійца Франдзи приданъ эпитетъ *Κυρίτζη*¹⁾, а также увлекшись выдумкою Халкокондила объ обученіи Мухаммеда ремеслу у мастера луковъ²⁾, Гаммеръ, вмѣсто того чтобы игнорировать эти византійскія фабулы, какъ это сдѣлалъ Цинкейзенъ³⁾, пускается въ объясненіе ихъ, подхвативъ близкое къ греческому *Κυρίτζη* турецкое *کورشی* = «борецъ, чемпионъ», и силится доказать, что такая не приличествующая османскому царевичу ни по его возрасту, ни по положенію, кличка вполнѣ подходитъ ему⁴⁾. Онъ настолько доволенъ своею гипотезой, что склоненъ признать другое, очевидно болѣе правильное и болѣе употребительное, выраженіе *Kyr-Tschelebi*, также встрѣчающееся у византійцевъ, какимъ-то сокращеніемъ, то есть въ нѣкоторомъ родѣ порчею⁵⁾ столь понравившагося ему эпитета *Kürischdschi* = *Ringer, der artige Herr*⁶⁾, несмотря на то, что турецкій историкъ Аали также обращаетъ вниманіе на этотъ эпитетъ, но говоритъ, что онъ приданъ былъ Мухаммеду въ описаніи большой битвы — *خصوصا سلطان محمد خانى* — *کورشی عنوانيله جنگ عظیمده بيله یازمشیکن* — такъ сказать для характеристики храбраго поведенія царевича, а не въ смыслѣ постоянного придатка къ его имени⁷⁾. А между тѣмъ Гаммеръ проходитъ мимо слова *Tschelebi*, въ которомъ собственно вся суть и заключается, признавая его уже настолько общезвѣстнымъ въ значеніи «*der artige, zierliche Herr*», почти-что англійскаго *Gentleman*, что не считаетъ нужнымъ даже слегка коснуться его этимологіи или происхожденія, ограничившись замѣчаніемъ, что это слово прилагается въ качествѣ почетнаго титула «не только къ именамъ молодыхъ людей, но и достигшихъ глубокаго возраста»⁸⁾. Еще впрочемъ одинъ разъ

1) Phrantzes, Lib. I, cap. XVIII, p. 66 & cap. XXXI, p. 90.

2) Chalcocondylas, Lib. IV, p. 179.

3) Gesch. d. Osm. R., I: 407, Anm.

4) Hammer, I: 338 & 627, Anm.; 362 & 632. Anm.

5) Op. cit., I: 338 & 628, Anmerk.

6) Op. cit., I: 361.

7) Кюнгюль-Ахбаръ, констант. изд., V: 105.

8) Hammer, Gesch. d. Osm. R., I: 632, Anm. 361.

Гаммеръ, и тоже случайно, по поводу объясненія термина Dschelban — جلبان —, вставляетъ также замѣчаніе насчетъ *Tschelebi* — челеби: «Ob das türkische Wort Tschelebi oder Dschelebi von diesem Dschelban oder vom lateinischen caelebs herzuleiten sey, ist die Frage»¹⁾. Такъ этотъ вопросъ и остается до сихъ поръ открытымъ.

А между тѣмъ уже Левенклавъ, оставивъ безъ вниманія слово *Calepinus*, вслѣдствіе того что тожество его съ словомъ *Zelesi* — челеби не подлежало сомнѣнію, сдѣлалъ попытку доискаться корней этого послѣдняго въ очень пространномъ соображеніи, которое онъ предпослалъ своему истолкованію имени *Cyriscelebis*. Ближайшимъ поводомъ къ этому послужилъ Левенклаву встрѣченный имъ въ турецкой хроникѣ фактъ, что Баязидъ-ханъ Йилдырымъ велѣлъ умертвить своего собственного брата Якуба-Челеби — *Jasur Zelesi*. Остановившись на немъ, Левенклавъ строитъ цѣлую гипотезу насчетъ значенія слова *Zelesi* на основаніи не только филологическихъ, но даже и археологическихъ данныхъ. Если нельзя согласиться со всѣми частностями его аргументаціи, то все-таки нельзя не признать вѣрности пути, избраннаго имъ для разрѣшенія поставленнаго имъ себѣ вопроса.

«Я полагаю», пишетъ Левенклавъ, «что турки имя *Zelesi*, которое въ ихъ языкѣ значитъ *благородный*, взяли отъ грековъ и римлянъ и по ихъ примѣру начали употреблять его. Ибо римляне называли сыновей императоровъ, которые слѣдовали за старшимъ и были младше, *Nobilissimos* или *благороднѣйшими*, а греки — *Novellissimos*, каковое слово есть корруція вышесказаннаго латинскаго, какъ это можно видѣть въ исторіяхъ, старыхъ *inscriptionibus* и *monumentis*, на старыхъ медаляхъ и монетахъ (*Pfennigen*), а также изъ *Fastis* консуловъ или бургомистровъ. Я хочу однако подтвердить то, что сказано, хотя оно само собою ясно и очевидно, приведя здѣсь одну древность, потому что она сама по себѣ старинная, и все же новая, такъ какъ недавно найдена; а еще и потому, что изъ нея можно узнать, сколь древенъ благородный городъ Вѣна въ Австріи, называемая у древнихъ *Vindobona* или *Vindoniana*, каковое имя, по моему мнѣнію, лучше написано, нежели другое. Эту *inscription* я получалъ отъ благороднаго, важнаго господина Иеронима Бекка леопольдсдорфскаго, камеръ-совѣтника его величества Римскаго императора. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ за городомъ Вѣною около мили разстоянія недалеко отъ *Sanct Marghen Feldt Siechenhaus* въ одномъ виноградникѣ найденъ былъ кусокъ старой колонны, которая, въ цѣломъ видѣ, была, кажется, *Milliarium-Romanum* (римскій верстовой столбъ), сдѣланный и водруженный для отдѣленія и обозначенія

1) Hammer, Gesch. d. Osm. R., II: 470, Anm.

милъ, и попалъ къ нему; онъ и позаботился о томъ, чтобы означенный обломокъ упомянутой древности отвезти къ себѣ домой и сохранить для потомства. Сказанная *inscriptio* гласитъ слѣдующее. А она счерчена и воспроизведена обыкновенными, употребительными буквами, потому что нѣкоторые знаки ея, какъ это можно видѣть и на самой древности, не могли быть здѣсь отпечатаны. IMP CAES P LICINIO CORNEL VALERIANO NOBILISS . . CES . . PRINCIPI IVV . . NTVTIS VA . . ET PONTES VETVSTA CONLAPSA RESTI A VIND . . MP II. Это можно читать почти такъ: *Imperatori Caesari Publio Licinio Cornelio Valeriano Nobilissimo . . ces. Principi iuventutis. Vada et pontes vetustate conlapsa restituit a Vindoniana millia passuum duo.* И подъ именемъ *Nobilissimi*, или высокоблагороднаго, и *Juventutis principis* разумѣется младшій братъ императора Галліена. Слѣдовательно и турки называли сыновей своихъ князей *Zebeblar* или «благородными». Изъ этой же (т. е. турецкой) хроники видно, что сыновья султана Мехемета II и его преемниковъ не носили имени *Zebebi* — *челеби*, а называются султанами. А что турки старались *подражать римлянамъ и грекамъ*, которымъ они наследовали во владычествѣ, какъ обезьяны, и могъ это доселѣ усмотрѣть изъ очень многихъ вещей, а именно изъ титуловъ, военныхъ должностей, раздѣленія областей и областныхъ начальствъ, изъ законовъ и порядка всего ихъ общественнаго быта¹⁾).

«Что касается дѣтей Баязида I, который турками называется Йилдырымъ — *Gildegun* —, т. е. Молнія, у грековъ *Laelaps*, т. е. Вихрь, ради его быстроты, то о нихъ писатели совершенно различно повѣствуютъ. Турки говорятъ, что первородный сынъ былъ эмиръ Сулейманъ, что и я одобряю и слѣдую ихъ мнѣнію. Этотъ Сулейманъ назывался *эмиръ* изъ высшаго почтенія, потому что это имя *эмиръ* давалось, пока существовало царство Мухаммеда, и чѣмъ далѣе, тѣмъ было распространеннѣе, и означаетъ *владыка* или *государь* — *Herr* oder *Oberherr* —. Гульельмъ, епископъ Тирскій, говорить, что *эмиръ* значитъ *ein Landts oder sonst grosser Fürst*, т. е. *областной* или же *великій князь*. Греки называли такихъ князей *Amires* и *Amirades*, каковое слово Винцентіемъ Бельвальскимъ и тѣмъ, кто латински перевелъ греческаго историографа Кедрина, и другими неправильно измѣнено въ *Ameres*, *Amerades*, *Admirati*, *Admirales* и *Admiraldi*. Турецкіе султаны даже еще и теперь называютъ себя *эмирами*, и вовсе не пренебрегаютъ этимъ названіемъ, какъ нѣкоторые думаютъ²⁾).

Вышеизложенное длинное разсужденіе Левенклава по поводу слова

1) Op. cit., p. 155.

2) Ibid., S. 156.

челеби, котораго онъ лишь вкратцѣ коснулся въ первоначальной латинской редакціи своего обширнаго труда, приведено здѣсь *in extenso* не потому, чтобы въ немъ окончательно изяснялось подлинное значеніе этого, остающагося доселѣ загадочнымъ, титула, а потому, что въ немъ намѣченъ, мнѣ кажется, правильный путь, которому надлежитъ слѣдовать въ разгадкѣ его. Левенклавъ въ этомъ своемъ сочиненіи даетъ слову *челеби* такое толкованіе: «*Sed qui erant in exercitu Zelibes, sive nobiles (ita tunc vocabantur milites generosi juniores) . . .*»¹⁾ = «Но тѣ кто были въ войскѣ *челеби*, или благородные (тогда такъ назывались знатные молодые воины) . . .» Это толкованіе однако же не принадлежитъ ему самому: оно, очевидно, цѣликомъ заимствовано имъ у Жофруа, самъ же онъ ничего не прибавилъ къ нему существеннаго. А Жофруа между тѣмъ пишетъ вотъ что: «*Colunt milites, et prae omnibus nobilitatem: nam si Christianus ipsorum legem recipiens, ipsis persuadere potest se nobili prosapia natum, honorem ei deferunt, eumque Cheleby dicunt, id est nobilem*»²⁾ = «Они (турки) уважаютъ воиновъ и больше всѣхъ благородство, ибо если христіанинъ, принимающій ихъ законъ (вѣру), можетъ доказать имъ свое происхожденіе отъ благороднаго поколѣнія, то они называютъ его *Chelebi*, т. е. благороднымъ».

Эти толкованія Левенклава и Жофруа, устанавливая значеніе слова *челеби*, въ какомъ оно употреблялось турками стараго времени, все-таки не изясняютъ его этимологіи: они даже вовсе не задаются вопросомъ объ этимологическомъ составѣ его, но, какъ было сказано уже, до нѣкоторой степени облегчаютъ путь къ распознанію этой этимологіи, намекая на то, что это слово не природное турецкое, а заимствовано турками «отъ грековъ и римлянъ, которымъ они старались подражать во всемъ какъ обезьяны», по выраженію Левенклава³⁾.

Но прежде чѣмъ послѣдовать этому указанію и попытаться отыскать источникъ такого заимствованія, надлежитъ сперва отдѣлаться отъ другихъ этимологическихъ объясненій слова *челеби*, предложенныхъ со стороны тѣхъ ученыхъ, которые занимались этимъ вопросомъ.

Самое распространенное изъ объясненій слова *челеби* — چلی — сводится обыкновенно къ производству его отъ старотурецкаго наименованія Господа Бога *Чалабъ* — چلب، или же چلاب، или отъ арабскаго слова *салыбъ* — صلیب = «крестъ, круцификсъ», чрезъ посредствующую форму صلیبی = «крестообразный», а также «крестоносець» и далѣе «христіанинъ». Я позволяю

1) *Historiae Musulmanae Turcorum de monumentis ipsorum exscriptae, libri XVIII.* Opus Jo. Leunclavii Amelburni. Francofurti, 1591, in-folio, p. 263.

2) *Op. cit.*, p. 38.

3) *Op. cit.*, p. 155.

себѣ самымъ рѣшительнымъ образомъ оспаривать и то и другое производство, такъ какъ оба они черезчуръ уже противорѣчатъ такъ называемой народной, вчастности народно-религіозной, психологіи, съ которой нельзя не считаться въ вопросахъ, подобныхъ настоящему вопросу о происхожденіи и употребленіи турками слова چلبی. Сближеніе слова چلبی съ словомъ چلب = «Господь Богъ», основанное, очевидно, на одномъ соблазнительномъ созвучіи обоихъ словъ, не мыслимо потому, что слишкомъ возвышенное первоначальное значеніе и несомнѣнное литературное употребленіе слова چلب не могло сразу перейти въ другое, сравнительно банальное, съ перенесеніемъ соединяемыхъ съ его понятіемъ свойствъ божіихъ на обыкновеннаго смертнаго и хотя бы съ отдаленнымъ уподобленіемъ его Богу, такъ какъ это шло бы прямо вразрѣзъ со строгимъ мусульманскимъ монотеизмомъ турковъ, народа въ высшей степени религіознаго до фанатизма: это было бы чистою религіозною профанаціею. Еще болѣе меня удивляетъ, что извѣстный турецкій ученый Ахмедъ-Вефыкъ-паша въ своемъ турецкомъ словарѣ поддался вольнодумному искушенію въ этимологіи самаго слова چلب: погоня Ахмедъ-Вефыка за ученою досужестію въ европейскомъ духѣ въ данномъ случаѣ возобладала у него надъ несомнѣннымъ непосредственнымъ чутьемъ, которое должно было подсказать ему невозволительность производства слова چلب отъ сирійско-персидскаго چلبا = арабск. صلیب = «крестъ»¹⁾. Наиболѣе убѣдительными въ послѣднемъ смыслѣ данными изобилуетъ едва ли не одинъ изъ древнѣйшихъ существующихъ памятниковъ османской литературы, какимъ слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, признать داستان دانه مند = «Сказаніе о Меликѣ Данышмендѣ».

Содержаніе его точно въ томъ же родѣ, какъ سيرة سید بطال غازی = «Подвиги Сейидъ-Батталя Гази», т. е. борьба сельджукскихъ мухаммеданъ съ кяфирами—греками, франками, армянами и грузинами—, происходящая на той же территоріи, т. е. въ Малой Азіи. Я отношу этотъ памятникъ къ древнѣйшимъ на томъ основаніи, что главный герой Сказанія есть историческое лицо, султанъ династіи Данышмендовъ Меликъ, царствовавшій въ концѣ XI и началѣ XII вѣка (+ 1103—4) и считавшійся ближайшимъ родичемъ въ нисходящей линіи легендарнаго Сейидъ-Батталя, а описываемыя тамъ приключенія носятъ архаическій характеръ. Но кромѣ сюжета древность Сказанія свидѣтельствуется главнымъ образомъ языкомъ этого Сказанія, которое имѣется въ спискѣ Императорской Публичной Библіотеки²⁾, къ сожалѣнію, неполномъ въ своемъ составѣ: изъ семнад-

1) Легджен-Османи, 1 констант. изд., стр. 482.

2) Dorn, Catalogue des manuscrits, № DLXXVIII. Другой списокъ этого произведенія имѣется еще въ Парижѣ, въ Національной Библіотекѣ (Catalogue des manuscrits de l'Ancien

пяти бесѣдъ — مجلس —, цѣлыхъ первыхъ четырехъ недостаетъ, и нумерація начинается лишь съ сорокъ девятого листа. Хотя настоящій списокъ имѣетъ дату 1032 = 1622 года, но онъ содержитъ въ себѣ не простое сочиненіе позднѣйшаго автора на старинную тему, какъ это мы видимъ, напр., въ «Искендеръ-намэ» соч. Ахмеда (+ 815 = 1412), а лишь воспроизведеніе древняго памятника османской письменности, только подправленнаго, т. е. попросту сказать испорченнаго, усердіемъ позднѣйшаго писака по имени Мухаммедъ-бень-Ахмеда Эль-Казы-задэ Эль-Бурсави, взявшагося приспособить изводъ бывшаго въ его рукахъ древняго подлинника къ удобствамъ пониманія своихъ современниковъ, «а то», говорить онъ съ чистосердечною наивностью въ своемъ послѣсловіи, «я нашелъ эту повѣсть написанную такимъ запутаннымъ письмомъ, и на такихъ застарѣлыхъ листкахъ, что читать было невозможно, и посмотрюшь — скажешь, что это не потурецки — کورن انی دیر که بو ترکی دکول —, и такъ написано сухо, безъ стиховъ, сплошмя, безъ разстановки словъ;... списокъ ся былъ старѣе *четырёхъ сотъ лѣтъ*, и написавшій его сдѣлалъ это турецкою прозою — نسخسی...; «а я», продолжаетъ подновитель, «раздѣлилъ повѣсть на 17 меджлисовъ, прибавивъ въ концѣ каждаго стиха, и доставилъ такимъ образомъ легкость читающимъ и пріятность слушающимъ..., потому что если повѣсть длинна, то устають и слушатель и читатель; лучше, чтобъ она не была длинна, чтобъ слушающій ее не соскучился, внимая *четыреста-пятидесяти-лѣтнимъ* извѣстіямъ...; однимъ словомъ я былъ причиною ея оживотворенія...¹⁾).

Но несмотря на это стараніе редактора-справщика XVII столѣтія исказить литературное произведеніе XII вѣка, насколько возможно обезличивъ его со стороны письма, а также, надо полагать, отчасти и со стороны языка, все же въ немъ не вполне изглажены песомифнныя архаическія черты того и другого, въ чемъ легко убѣдиться на каждой страницѣ рукописи. Я думаю также, что неизвѣстный «оживитель» стариннаго Сказанія просто-таки хвастаетъ, будто онъ самъ сочинилъ и внесъ въ него стихи, которыми обыкновенно оканчивается каждая бесѣда — مجلس — и начинается новая: можетъ

Fond Turc, par M. Fagnan, № CCCXVII); но въ какихъ отношеніяхъ онъ къ нашему кодексу, это еще подлежитъ обслѣдованію: въ бытность свою въ Парижѣ я намѣтилъ قصّة ملك دانشمند къ разсмотрѣнію, но не успѣлъ этого сдѣлать. Турецкій историкъ Мюнеджимъ-баши принимаетъ за время существованія династіи Данышмендовъ періодъ 464 — 470 = 1071—1174 годовъ, согласно съ другими писателями, но расходится съ ними, и притомъ совершенно сознательно расходится лишь въ нѣкоторыхъ частностяхъ: между прочимъ, основателя этой династіи онъ называетъ просто *Данышмендъ*, который былъ раньше учителемъ дѣтей у туркменъ (Мюнеджимъ-баши тарихи, константиноп. изд., т. II, стр. 575—576).

1) Рукопись № DLXXVIII, листъ нумерованный 265 recto et verso.

быть, нѣкоторыя вирши, отдающія вычурностью позднѣйшаго высокопарнаго пустословія и замѣтною новизною самаго языка, и суть плодъ досужести хвастливаго стихоплета; но вообще стихотворныя тирады Сказанія, и по свойству содержанія, и по стилю, и по архаическому складу языка и правописанія, мало чѣмъ отличаются отъ прозаическаго текста, такъ что едва ли ихъ можно приписать всецѣло фальсификаторской находчивости позднѣйшаго турецкаго стилиста. Поэтому предположеніе Дорна, что *l'éroque de la composition de ce roman doit être fixée après le milieu du XIII siècle de J. Chr.*»¹⁾, имѣетъ весьма и весьма условное значеніе, такъ какъ для этого нѣтъ другихъ вѣскихъ данныхъ въ рукописи; сопоставленіе же цифры 450 лѣтъ не вяжется съ датой написанія ея 1032 = 1622 г., такъ какъ оно отодвигаетъ происхожденіе оригинала къ еще болѣе давней старинѣ, приближающейся ко времени-жизни Мелика Данышменда, смерть котораго самъ Дорнъ относитъ къ 537 = 1142 году²⁾. Въ текстѣ рукописи есть такой не совѣмъ ясный намекъ на возникновеніе Сказанія, то, молъ, «сказители такъ излагали это сказаніе передъ шахомъ Иззь-Эддиномъ и, написавъ тамъ эту хартію, увѣковѣчили сказаніе о Меликѣ Данышмендѣ» — *راویلر بو قصه شاه عز الدین فاتنگ بوبله حکایت قلدریلر و بو نسیمی انده* — *3)*, и еще: «Они (повѣствователи) составили эту книгу, излагали передъ султаномъ Побѣдителемъ сказаніе о Меликѣ Данышмендѣ» — *بو کتاب جمع ایدوب ملک دانشمند قصه سن سلطان* — *4)*. А про Иззь-Эддина кратко говорится въ одномъ мѣстѣ, что «онъ былъ князь Рума изъ рода Сельджуковъ» — *ملک عز الدین رومک بکیدی نسل سلجوقیلردن ایدی* — *5)*. Но такъ какъ сельджукскихъ владѣтельныхъ князей этого имени было нѣсколько, то, пожалуй, будетъ вѣрнѣе, если мы примемъ этого Иззь-Эддина за Иззь-Эддина Кей-Коуса II, про котораго была слава, что «его дворъ украшался господами доблестей и мужами наукъ», и что «въ дни его царствованія декламаторы газелей и люди жизнерадостные были желанными и прошенными»⁶⁾. Такъ какъ время вторичнаго царствованія этого султана относится къ 1261 году, то придется принять, что въ половинѣ XIII вѣка Сказаніе воспроизведено было въ своей окончательной, такъ сказать, редакціи, первоначаль-

1) Dorn, Catalogue des mss. № DLXXVIII, p. 525.

2) Ibid., p. 524.

3) Рукоп., л. 103 г.

4) Рукоп., л. 161 в.

5) Рукоп., л. 131 г., 175 г.

6) Histoire des Seldjucides d'Asie Mineure d'après Ibn-Bibi. Texte turc publié par M. Th. Houtsma. Leide, 1902, p. 109.

чально же сложилось и того раньше, судя по содержанию памятника. Въ немъ изображается борьба турковъ-сельджуковъ съ кяфирами—греками и крестоносцами—въ тѣхъ предѣлахъ Малой Азіи, гдѣ о Стамбулѣ и Св. Софіи ходили лишь отдаленные, легендарные слухи; когда еще далеко было до окончательнаго возобладанія мусульманско-сельджукскаго напора надъ греческо-христіанскимъ господствомъ въ Малой Азіи, и когда, слѣдовательно, объ османскомъ владычествѣ не могло быть даже слабаго предвидѣнія, а не то чтобы яснаго намека или опредѣленнаго указанія. И, въ самомъ дѣлѣ, «Сказаніе о Меликѣ Данышмендѣ» собственно оканчивается побѣдою невѣрныхъ румовъ — грековъ въ союзѣ съ армянами и грузинами — надъ суннитами сельджуками и отобраніемъ всѣхъ городовъ и крѣпостей, захваченныхъ—было послѣдними. Умирающій отъ ранъ Меликъ Данышмендъ въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи пророчитъ о томъ, что «кяфиры снова овладѣютъ завоеванною имъ страню; но что потомъ всетаки мусульмане опять возьмутъ ее, и она станетъ мусульманскою» — *کیرو بولایتی کافر طوتا بو الی کینہ* (1). Остальной краткій сказъ о судьбѣ жены Мелика Данышменда и сына его Мелика Гази съ перечнемъ его преемниковъ до вторичнаго воцаренія Рукнъ-Эддина включительно, оканчивающійся словами: *اوشاک ملک تالشین قصه سی تمام اولدی بعون الله*, (2) *تعالی وحسن توفیقہ حق تعالی روح روانلرن شاد ایلسون رحمة الله علیهم اجمعین*, есть только придатокъ, который могъ принадлежать перу человѣка, жившаго позже возникновенія основного текста Сказанія и присовокупившаго отъ себя добавленіе, не отдѣливъ его точнѣе отъ прежняго, какъ это водилось въ обычаѣ всѣхъ старинныхъ грамотѣвъ, въ томъ числѣ и турецкихъ, дополнять прежнія сочиненія собственными прибавками, къ роду которыхъ относится, безъ сомнѣнія, и стихотворный финалъ, прибавленный справщикомъ XVII столѣтія къ этому памятнику XII и самое позднее XIII вѣка (3). Сказаніе могло быть вначалѣ произведеніемъ одного лица,

1) Рукоп., л. 257 г.

2) Рукоп., лл. 159 v. — 162 г.

3) Что это Сказаніе относится къ очень давнему времени, можетъ быть къ болѣе раннему, чѣмъ такъ называемые Сельджукскіе стихи въ «Ребабъ-намэ» и даже чѣмъ «Гарибъ-намэ» Ашикъ-паши, это съ несомнѣнностью явствуетъ изъ наличности всѣхъ тѣхъ архаическихъ признаковъ, которыми отличаются вышеназванные произведенія турецкой древней письменности, да кромѣ того еще изъ находженія въ немъ такихъ словъ и грамматическихъ формъ, какиихъ не находится въ тѣхъ произведеніяхъ. Можно съ увѣренностью сказать, что и правописаніе того списка, который попалъ въ руки позднѣйшему справщику, носило всѣ особенности старописи, судя по тѣмъ же остаткамъ, которые уцѣлѣли отъ уничтоженія губительной рукою справщика. Есть также основаніе полагать, что въ этихъ особенностяхъ начертанія до извѣстной степени отражались фонетическія и иныя діалектическія свойства турецкой рѣчи, которую сложено самое Сказаніе.

Къ числу такихъ начертательныхъ характерныхъ особенностей нашей рукописи

досу́жаго сказа́теля, на что́ раза́ два́ глу́хо намека́ется и въ рукописи, въ

прежде всего надо отнестись или плеонастическое употребление буквъ و, ا, ي, та́мъ, гдѣ эти буквы нынѣ совершенно не пишутся, или, наоборотъ, пропускъ этихъ буквъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ теперь онѣ считаются необходимыми, и притомъ не только въ словахъ чисто турецкихъ, но также и въ словахъ арабскаго корня. Таковы, для примѣра, начертанія словъ: اچا = اچه (л. 228 г.), اوزت مايا لوم = اوزاتيه لمه (65 г.), اوشتلوم = ايشدلم (238 г.), ايلينده = ايلاينده (186 в.), اكسوزدن = اكسوزدن (157 г.), اولو = الو (49 г.), 250 в.), اخشامدر = اخشمدر (242 г.), اياق = اياق (232 г. и 236 г.), ايكه = ايكه (158 г.), ايليمدن = ايليومدن (258 в.), بنى = يانى (146 г. и 256 в.), ايجى = چغى (242 г.), چوقدى = دعاقدى (71 г.), ديهدن = دپادن (246 г.), چيغه يم الهيم = چقايوم اايوم (206 в.), دبر ايسهكز = دبر يساكوز (65 г.), دكليمانك = دكلابانوك (224 г.), طوره كل = دورى كل (226 в.), سزوك اوستكزه = سزوك اوستكوزه (175 в.), سنك انچون = سنانوكچون (50 г.), قيله = قلا (261 г.), كلككوزى = كلككوزى (212 г., 237 г., 249 г., 116 г.), كده = كى (155 в.), كدهكوزى = كدهكوزى (229 в.), كدهكوزى = كدهكوزى (189 г.), 219 г., 239 г., 253 г.), نهى = نايى (232 г.), يياككر = يياككر (223 в.), يوق = يوق (204 в.), يكرمى = يكرمى (121 г.) и т. п.

Изъ фонетическихъ архаизмовъ, насколько можно усматривать таковыя въ начертаніяхъ словъ, можно отмѣтить слѣдующіе:

а) частую постановку буквы ڭ вмѣсто ډ, напр.: اميدى = اميدى (л. 153 в.), پيندا = پيندا (156 г.), ڭانلرى = ڭانلرى (157 в.), ڭانلقر = ڭانلقر (50 в.), خدانوك = خدانوك (159 г.);

б) замѣну буквы ډ буквою ط или ت и отпаданіе ډ, напр.: تيزى = تيزى (258 г.), ڭانلقر = ڭانلقر (67 в., 113 в., 168 г., 177 в., 190 в., 233 г., 234 в., 242 в., 249 г., 252 г., 261 г., и др.), درتلره = درتلره (232 г.), ڭانه = ڭانه (210 в.), قرداش = قرداش (51 в., 57 в., 125 в., 130 в.), يولداش = يولداش (70 в., 73 в.);

в) замѣну буквы ڭ буквою ڭ, напр.: مشنلق = مشنلق (223 г.);

г) замѣну буквы ق буквою خ, напр.: اختردى = اختردى (185 г.), خوشلوجلге = خوشلوجلге (180 в.), يلقيلرمزى = يلقيلرمزى (209 в.), وقت = وقت (119 г.);

д) перестановку однихъ буквъ на мѣсто другихъ, напр.: پينر = پينر (236 г.), دستاق = دستاق (214 в., 217 в., 218 в.).

Немногія начертанія, какъ سکسا (178 г.) и قوشلولگا (206 г.), съ арабскимъ фатхатвиниомъ въ чисто турецкихъ словахъ, суть наиболее характерныя показатели старинности памятника, которые сплошны, систематически являются въ наиболее древнемъ спискѣ نامه غريب — «Гарибъ-намѣ» — Аашикъ-паши, принадлежащемъ библіотекѣ Будапештской Академіи, № Fol. 46, но здѣсь, въ Сказаніи подверглись совершенному истребленію со стороны новѣйшаго справщика, осмотрѣвшаго въ нихъ вышнюю орфографическую несообразность и потому постаравшагося какъ можно тщательнѣе уничтожить ихъ, за исключеніемъ вышеприведенныхъ двухъ случаевъ.

Грамматическія архаизмы текста Сказанія представляютъ слѣдующія изображенія:

а) форма будущаго времени на اولسرلر = اولسرلر (159 г.), قوريلسر = قوريلسر (175 в.), قومايسر = قومايسر (161 г.) и др.;

б) повелительное-усиленное на اوتلغل = اوتلغل (127 в.), اورکل وارغل = اورکل وارغل (115 в.) и др.;

в) спрягаемая форма отъ тѣмы на ب, сокращ. изъ وب, какъ-то: ويريم (175 в.),

ایدر ایدر حکایت ایدر ایدر¹⁾ = «Разсказчикъ разсказываетъ; учитель (т. е. по нашему авторъ) чинить повѣствованіе, говорить». Потомъ оно онародилось и утратило имя творца своего, вмѣсто котораго появились безличныя и безимынные повѣствователи подъ общимъ обозначеніемъ *روایان اخبار* = «Разсказчики исторій и современные традиціонисты»; или: *ملك دانشمند قصه سن شرح ایدنلر شویله روایت ایدلار*:²⁾ = «Истолкователи сказанія о Меликѣ Данышмендѣ такъ повѣствуютъ». Если же при этомъ упоминаются имена, то такихъ людей, которые являются лишь эпизодическими, вторичными передатчиками прежде сложенныхъ и слышанныхъ ими разсказовъ, въ родѣ слѣдующаго: *ابن علا ایتدی شویله ایشتم بزدن*:³⁾ = «Ибнъ-Аля сказалъ: я такъ слышалъ отъ предшествовавшихъ намъ повѣствователей, которые разсказывали». Но существенныя свойства Сказанія отъ этого нисколько не измѣнились.

Такъ вотъ въ этомъ-то чисто турецкомъ памятникѣ, на подробномъ описаніи котораго я нарочито остановился, такъ какъ онъ относится къ той эпохѣ, когда слово *челоби* — *چلبی* — должноствовало бы возникнуть, по мнѣнію тѣхъ, кто хотятъ видѣть въ немъ производное отъ арабскаго *самыбъ* — *صليب* —, чрезъ посредство персидскаго слова *челипа* — *چلیپا* —, мы видимъ цѣлую массу литературныхъ фактовъ, доказывающихъ полнѣйшую невозможность такого сближенія словъ, которыя выражаютъ далеко несродныя въ своемъ корнѣ и употребленіи понятія. Стѣсняясь соблюденіемъ возможной равномѣрности отдѣльныхъ частей своего изслѣдованія, я ограничусь здѣсь приведеніемъ лишь такихъ мѣстъ изъ текста «Сказанія о Меликѣ Данышмендѣ», въ которыхъ наименѣе двусмысленно и наиболее рельефно и краснорѣчиво отразилось самое враждебное, самое пренебрежительное отношеніе мусульманъ-турковъ къ христіанскому крестному знаменію и ко всему, что имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ нему, какъ въ конкретномъ, вещественномъ, такъ и въ абстрактномъ, идейномъ смыслѣ.

سماع = «стараніе» (190 v.), *شار* = «городъ» (157 г.), *صدیلر* = «разбили» (418 v., 238 v., 253 v.), *صغین* = «разбитый» (246 г., 254 г.), *ضوتازه قلدی* = «совершилъ омовеніе» (155 г., 171 v., 205 v.), *طلا* = «конь» (116 v., 207 г.), *طمار* = «месть» (145 v., 207 г., 256 г.), *قفاستندن* = «стыла» (123 v., 207 v.), *کشکتیل* = «военная машина» (215 v.), *کندوزی* = «самъ» (ibid.), *نفیر* = «музыкальная труба» (215 v.), *نتا* = «какимъ образомъ» (239 г.), *نوک* = «страна» (215 v.).

1) Рукоп., л. 237 v.

2) Рукоп., ibid.

3) Рукоп., л. 155 г.

4) Рукоп., л. 139 г.

Христіанскій крестъ, обыкновенно называемый въ Сказаніи словомъ *самъбъ* — صلیب —, а нерѣдко еще словомъ *чагъ* — خاج — и изрѣдка словомъ *челита* — چلیپا —, сплошь понимается только какъ извѣстной формы предметъ, составляющій необходимую принадлежность христіанскаго культа рядомъ съ другими культовыми атрибутами, съ обозначеніемъ лишь его размѣровъ — *اولو خاج کچی خاج*¹⁾ = «большой крестъ, малый крестъ» —, или матеріала, изъ котораго онъ сдѣланъ: — *اول دیرده نقر خاج واردی هب التوندن* = «Сколько ни было *крестовъ* въ томъ монастырѣ, всѣ (были) изъ золота, серебра, свинца, желѣза»; или же съ обозначеніемъ употребленія его: — *اول الو صلیبی کتوردیلر که طام اوستنک بدی* = «Принесли тотъ большой *крестъ*, который былъ на крышѣ»; *لعین کشادباد خوش* = «Проклятый Кушадъ-бадъ (воинъ съ христіанской стороны) вступилъ въ поле битвы, будучи одѣтъ въ хорошій царскій панцырь и самъ украшенъ *крестомъ*».

И въ сельджукской лѣтописи Ибнъ-Биби совершенно также конкретно изображается видъ и употребленіе христіанскаго креста; *و صلیب روم انجیل و صلیب حاضر آندی و* = «На мѣсто *крестовъ* и церковей созидали мечети и мимберы»; или еще: *و آنلاره اندرل اجدی* = «Греки приготовили евангеліе и *крестъ*, и на нихъ онъ (греческій василевсъ) принесъ клятву».

Значеніе креста какъ олицетворенія христіанской вѣры и все отрицательное отношеніе къ нему мусульманъ-турковъ съ особенною яркостью выражено въ слѣдующей передбитвенной перебранкѣ греческаго храбреца Сархаила съ Меликомъ Даньшмендомъ: *سرخایل ملکه آیتدی کم عجا مسلمانلر بلمزئر میکم صلیب حقدر بولر صلیبه طبعندن قچرلر ددی ملک دانشمند آیتدی کیم لعنت صلیبه کلسون صلیبه حق دین کافرہ صلیبدن نه هنر کلر ددی چون کم سرخایل آیتدی هی سن دلومسن قورقمزمنسن صلیبدن بو ساعت سنی قورده هلاک آیلیه ددی ملک دانشمند آیتدی کیم کونده بیк کز صلیبه سوکرم وز بیк صلیب* = «Сархаилъ сказалъ Мелику: «Удивительно, неужели мусульмане не знаютъ, что *крестъ* есть Богъ, коли они избѣгаютъ почитанія *креста*?» Меликъ Даньшмендъ сказалъ: «Будь проклятъ *крестъ*! Какой толкъ *кресту* отъ Бога, а кяфиру

1) Рукоп., л. 114 г.

2) Рукоп., л. 59 г.

3) Л. 60 г.

4) Л. 137 г.

5) Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure, d'après Ibn-Bibi, publ. par Houtsma. Leide, 1902, p. 62.

6) Ibid., p. 68.

7) Сказаніе, рукоп., л. 55 г.

отъ *креста*?!» А когда Сархалъ сказалъ: «Эй ты, сумасшедшій что ли ты? развѣ не боишься *креста*? Онъ тебя сейчасъ погубить, убьетъ!», Меликъ Данышмендъ сказалъ: «Я тысячу разъ въ день ругаю *крестъ*; я сто тысячъ *крестовъ* сокрушу; я тысячу монаховъ убью!».

Но еще рельефнѣе, даже, можно сказать, картиннѣе выразился взглядъ турковъ-сельджуковъ на христіанскій крестъ въ цѣломъ комическомъ эпизодѣ, сопровождавшемъ взятіе Меликомъ Данышмендомъ города Харсанусіи — *خرسانوسیه* —, что похоже на Херсонесъ, который, говорится однако же въ повѣсти, «теперь называютъ Нигисарой» — *خرسانوسیه شهری* (1) —). Меликъ употребилъ тутъ свою обычную хитрость, состоявшую въ слѣдующемъ. Въ Харсанусіи былъ большой точно крѣпость монастырь съ 700 монахами. Настоятель его, столѣтній старикъ чудовищно-безобразнаго вида по имени Саматургосъ — *ثماطورغوس* — (2), или, подругому, Самагурисъ — *ثماغورس* — (3) и Саматургосъ — *ثماطغروس* — (4), что есть, очевидно, искаженное греческое *Θαυματουργός* = «чудотворецъ», сдѣлалъ потайной подземный ходъ изъ своего монастыря въ Стамбуль въ Св. Софію, которымъ и отправлялся туда на богослуженіе, а монастырь заколдовывалъ разными чарами и талисманами. Меликъ и его сподвижники переодѣли одного изъ своихъ, женщину-амазонку Афрумію, попомъ — *کشش* — и отправили въ монастырь къ Саматургу съ письмомъ будто бы отъ трапезундскаго султана Гураса — *غوراس* —, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что, прослышавъ о нападеніи Мелика Данышменда на Харсанусію, идетъ на выручку съ войскомъ, а впередъ себя шлетъ туда крестъ, оставшійся отъ времени Христа — *برصلیب وارد کردم مسیح دوزندن قلیشدر* — (5). Этотъ чудотворный крестъ надо было положить въ монастырѣ, и онъ долженъ былъ спасти городъ. Когда монахи спросили Афрумію, какъ такой маленькій монашекъ, какъ она, могъ одинъ придти туда, Афрумія сказала: «Я приношу крестъ Христа, чтобы онъ спасъ такой городъ: развѣ онъ не можетъ сохранить меня-то, который поклоняется ему?!» (6). А крестъ былъ такъ великъ, что его несли двѣсти человѣкъ, и такъ былъ тяжелъ, что его тащилъ верблюдъ (7). Монахи повѣрили и вышли цѣлою процессіею навстрѣчу мнимому кресту Христову. А Меликъ Данышмендъ отрядилъ двѣсти пеглевановъ и съ ними верблюда, которые и направились къ городу подъ предводительствомъ Афруміи, закричавшей монахамъ: «Отворите ворота!» Монахи отворили ворота и, принявъ отрядъ Мелика за людей трапезундскаго князя, сказали *погречески*: «Добро пожаловать! А гдѣ же тотъ *крестъ*?» —

1) Рукоп., л. 238 г. — 2) Ibid. — 3) Л. 240 г. — 4) Л. 241 v. — 5) Л. 239 v.
6) Л. 239 v. — 240 г. — 7) Л. 240 г.

рهبانلر... همان ابتدايلر كم رويجه كلو سيرتير پوني اسطروس يعنى كم خوش كلدكوز
(1) (اول خاج قانى ديدلر). Тогда турки внезапно ринулись, произвели рѣзню и
опустошеніе и овладѣли городомъ 2).

Въ другомъ мѣстѣ Сказанія въ уста одного 80-лѣтняго христіанскаго
монаха Гаирбиля (Гавріила?), добровольно вызвавшася идти въ бой съ
турками, вложена такая рѣчь, обращенная имъ къ какому-то христіан-
скому же царю Шатату: ای شاه بن بوجنگه انوکچون کلدم که عمرمدن سکسن
یل کچمشدر التمش یلدر کم دیرده صلیبه لات مناته و ندوستیه خدمت ایدوب قوللق
ایدرم... بوکون دلرم که میدانه کرم صلیب یولنه چالشم یا بر ایش بتورم که
صلیب بندن خشنود اولا و یا بودر کم چلیپا و ناقوس اچون کندوزمی قربان ایلم
ددی پس کلریل رهبان میدانه کردی شوپله کم اتنی طوننی تمامت خاچلر ایله
بزه مشلر ایدی 3)... ایندی ای خاچلر بنی صقلک برای صلیب بکه همت عنایت
مینولو 80 لѣтъ жизни, и 60 лѣтъ я въ монастырѣ правлю службу *кресту*,
Лату, Манату и Надустіа 4). Сегодня же я хочу вступить въ поле сраженія
и постараюсь ради *креста*. Или я совершу такое дѣло, что *крестъ* будетъ
доволенъ мною, или же пожертвую собою ради *креста* и церковнаго коло-
кола!». Затѣмъ Гаирбиль монахъ вступилъ въ поле сраженія такъ, что
конь его и одѣяніе—все было разукрашено *крестами*... Онъ началъ гово-
рить: «*Кресты*, сохраните меня! Окажите мнѣ ради *креста* помощь и бла-
говоленіе!»

Здѣсь мы видимъ, что всѣ три термина — *салыбъ*, *челпна* и *хачъ* упо-
требляются какъ синонимы, съ тѣмъ однако же отличіемъ для перваго изъ
нихъ, что онъ понимается въ болѣе широкомъ смыслѣ, обобщающемъ всѣ
свойства креста—и какъ внѣшняго предмета христіанскаго культа, и какъ
символа христіанской вѣры. Это было естественно для турковъ-сельд-
жуковъ, имѣвшихъ дѣло съ крестоносцами, выставлявшими вездѣ на-

1) Рукоп., л. 240 v. Не вполне точная здѣсь турецкая транскрипція можетъ заклю-
чать въ себѣ такую греческую просторѣчную фразу: «Καλῶς ἤρτην! Ποῦ τον ὁ Σταυρός?»

2) Л. 240 v. — 241 г.

3) Л. 118 v.

4) Л. 119 г.

5) *Латъ* и *Манатъ* суть имена языческихъ арабскихъ домусульманскихъ идоловъ.
Слово *Надустіи* совсѣмъ неизвѣстно. Г. Пападопуло-Керамевъ полагаетъ, что въ этихъ
трехъ словахъ всовокупности можно видѣть переименованіе, по нѣкоторому созвучію, греческихъ словъ *καὐθελανύπτως* = «свѣчезжигатель» и *ἀναγνώστης* = «чтець», какъ назы-
ваются у грековъ высшіе церковнослужители, превращенные здѣсь, при удобномъ случаѣ,
турками тоже въ какихъ-то идоловъ.

показъ крестный знакъ во время своихъ походовъ. Въ Сказаніи неоднократно говорится: ¹⁾ «*توز اجندن علملر و صاجاقلر صليب پيكرلر چقدى*» = «Изъ пыли показались значки и знамена *крестообразныя*». Это не мѣшало имъ при случаѣ поименовывать рядомъ съ крестомъ и другія, извѣстныя имъ понаслышкѣ разумѣется, частности христіанскаго религіознаго культа и быта до копыта осла Иисусова включительно. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ Сказанія читаемъ: *ناطيس و سلبوس اند اچدالر کم بر زنار رهبان قومي و سلب قومي* = «Натысь, Василевсь поклялись монашескимъ поясомъ, колоколомъ, *крестомъ*, копытомъ осла Иисусова, что они не оставятъ ни одного человѣка изъ народа нечестивцевъ (т. е. изъ мусульманъ), а всѣхъ ихъ перебьютъ». Изъ церковныхъ облаченій постоянно фигурируютъ священническая риза *фелонь* и поясъ. Такъ про христіанскихъ ренегатовъ, принявшихъ исламъ, а потомъ опять вернувшихся въ христіанство, говорится: *سيسه قومي منافلق قلدير . . . انلر کم*: *رهبانلر ایدی کم ملك تالشن الناء مسلمان اولشار ایدی کو دوندلر پيلون کيدرلر* = «Жители города Сисіа учинили гипокритство: тѣ, которые были монахи и въ рукахъ Мелика Данышменда стали мусульманами, опять вернулись — одѣли *фелонь*, подпоясались веревкою; тѣ, которые были кяфиры, оставили исламъ и опять подпоясались веревкою». Мало того: самъ Меликъ въ цѣляхъ военной хитрости постоянно надѣвалъ поверхъ своихъ доспѣховъ священническую *фелонь*: *ملکوک عادتى بويدي سلاح اوستنه بر پيلون حمايل قلوردي چونکه ديره يقين* = «У Мелика былъ такой обычай, что онъ употреблялъ какъ амулетъ *фелонь* поверхъ вооруженія, и такъ какъ онъ приближался къ монастырю, то и надѣлъ на себя *фелонь*». Хорошъ былъ, надо полагать, видъ турецкаго рыцаря, одѣтаго въ священническую ризу!

1) Рукоп., лл. 140 г., 148 в.

2) Л. 181 г. Выраженіе *سنب خر عيسى* надо полагать, есть также каламбуръ на «*Sancta eucharistia*», представляющей собою искаженіе въ томъ родѣ какъ нынѣ французское, также почти бранное, выраженіе «*Sapristi*», заключающее въ себѣ искаженіе прежней благочестивой божбы, заключавшейся въ словахъ *Sanguine Christi*. Въ этомъ убѣждаетъ еще сочетание словъ *سنب خر عيسى* съ совершенно уже непонятными другими словами *ميخائل نخی اند اچديکم تيتيه ميتيه سنب خر عسايد* въ такой фразѣ: *تيتيه ميتيه* (Рукоп., л. 181 г.), которая есть не что иное какъ насмѣшливая звукоподражательная имитация греческой рѣчи, въ которой часто слышатся подобные этимъ звуки.

3) Рукоп., л. 179 г. & в.

4) Рукоп., л. 64 г.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ характерно здѣсь то, что мусульманинъ какъ-будто вѣрилъ въ таинственную силу христіанской ризы, что не мѣшало однако же туркамъ-мусульманамъ всячески поносить крестъ, какъ главнѣйшій атрибутъ христіанскаго культа. Въ этомъ не отставали отъ нихъ и христіанскіе ренегаты: таковъ былъ одинъ по имени Саркисъ, или Сергіосъ, про котораго говорится: *کیظم لعین قتی پهلوان ایدی انتی کندوی خاچله ارایک قلمش بزومش در حال انتی میدانہ سردی . . . چون سرکیس کوردی بلدی اینتدیکم های صلیبدن نچون بوز چوردک واردک جازولر دیننه کردک ددی سرکیس صلیبه نفرین* «Проклятый Гизамъ былъ чрезвычайный герой. Онъ убралъ и изукрасилъ *крестами* коня своего и себя и тотчасъ погналъ своего коня въ поле битвы... Когда онъ увидѣлъ Сергіоса, то узналъ (его) и сказалъ: «Эй, зачѣмъ ты отвратилъ лицо отъ *креста*, пошелъ и вступилъ въ вѣру волшебниковъ?» Сергіосъ искастилъ и изругалъ *крестъ*. Тотъ сдѣлалъ атаку съ копьемъ, намѣревался пронзить Сергіоса».

Относясь столь враждебно и непочтительно къ крестному знамению, турки-мусульмане въ «Сказаніи о Меликѣ Данышмендѣ» называютъ противниковъ своихъ, христіанъ, самыми разнообразными именами, и обыкновенно съ придачею ругательнаго эпитета «проклятый», не ограничиваясь исключительно при этомъ какимъ-либо намекомъ на крестъ — *салыбъ* — *صلیب*, какъ примѣнительно къ многолюдной совокупности христіанскаго войска или народа, такъ и къ отдѣльнымъ личностямъ изъ христіанъ.

Очень рѣдко христіане обозначаются сложнымъ словомъ *аһл кәфр* ²⁾ или *аһл кәфрملتй* ³⁾; обычно они всюду просто называются *кәфрләр* «невѣрные»: *аһл кәфрләр ағрлқ чәридй* ⁴⁾; чаще же въ сочетаніи съ именемъ народности ихъ: *аһл кәфрләр* «греки невѣрные» или *аһл кәфрләр* ⁶⁾ «греческіе невѣрные»; а то и просто дѣло ограничивается однимъ обозначеніемъ національности въ сочетаніи съ собственнымъ именемъ: *аһл кәфрләр* ⁷⁾ «греки», *аһл кәфрләр* ⁸⁾ «Дмитрій грекъ», *аһл кәфрләр* ⁹⁾ «Франкъ Атосъ», *аһл кәфрләр* ¹⁰⁾ «Франкъ Бедросъ», *аһл кәфрләр* ¹¹⁾ «кто грекъ, кто Франкъ». Встрѣчается еще названіе *аһл кәфрләр* ¹²⁾ «мессыянецъ» и даже такое описательное обозначеніе *аһл кәфрләр* ¹³⁾ «поклонники Иисуса», и даже такое описательное обозначеніе *аһл кәфрләр* ¹⁴⁾ «народъ Христовъ». Наконецъ попадаетъ нѣсколько разъ и названіе *аһл кәфрләр* ¹⁵⁾ «мужи креста», но именно лишь попадаетъ, т. е.

1) Рукоп., л. 207 в. — 2) Л. 132 г. — 3) Л. 132 в. — 4) Л. 250 в. — 5) Л. 139 в. — 6) Л. 187 г., 259 г. — 7) Л. 156 г., 168 г. — 8) Л. 189 г. — 9) Л. 141 в., 143 г. — 10) Л. 142 г. — 11) Л. 168 г. — 12) Л. 205 г. — 13) Л. 117 г. — 14) Л. 84 г., 136 в. — 15) Л. 50 в., 247 в.

какъ исключеніе, а не какъ заурядный терминъ наподобіе *кафрлар* или *ромилар*; простой же арабской формы *صليبي* = «крестовый, относящійся къ кресту» и, въ позднѣйшее время, «крестоносець» ни одного раза не наблюдается въ цѣломъ Сказаніи ни въ какомъ смыслѣ — ни въ смыслѣ христіанина вообще, ни крестоносца вчастности, ни, тѣмъ паче, въ синекдохическомъ значеніи человѣка книжно образованнаго, человѣка письменнаго, хотя и представлялись къ этому поводы, когда, напримѣръ, турки писали коварныя письма своимъ противникамъ грекамъ¹⁾. Ученые люди называются именами *دانشمند*, *بو خليل غایت* что = «Сей Халиль былъ весьма религіозный и праведный; былъ человѣкъ ученый и прекрасно образованный». А по поводу взятія въ плѣнъ греками четырехъ сотъ мусульманъ относительно этихъ послѣднихъ читаемъ въ Сказаніи такое нарочитое замѣчаніе: *بر نهسی حافظ كلام الله ادی و بر نهسی عالم ایدی* = «Нѣкоторые изъ нихъ были чтецы Слова Божія; нѣкоторые были эрудиты; нѣкоторые были ученые».

Что же касается слова *چلب* = «Богъ», съ которымъ сближаютъ слово *چلبی*, какъ производное отъ него, то оно также употребительно въ Сказаніи для обозначенія Бога, но, замѣчательно, только лишь въ стихотворныхъ лирическихъ эпизодахъ Сказанія, а не въ прозаической повѣствовательной части его. Вотъ почти всѣ тѣ мѣста, гдѣ это слово находится: *چلب آدين اکوب اشنه اشلر* = «Памятуя имя Божіе, пусть дѣла дѣлаются»; *اچيغا الله چلب قامومزی* = «Да возведетъ всѣхъ насъ Богъ въ рай!»; *حق چلب دایم سزی دلشاد اید* = «Да радуется васъ всегда Господь Богъ!»; *دی ذکر ایت اول چلبی لا اله الا الله* = «Говори, славословь того Бога: нѣтъ Бога кромѣ Бога!»; *چلب سور انی راضی اولور دینلردن* = «Богъ любитъ это; Онъ доволенъ говорящими то»; *کور نه قدرت کوسترر قادر چلب* = «Гляди, какую проявляетъ силу всемогущій Богъ!». Въ такомъ же точно родѣ есть еще нѣсколько выраженій¹⁰⁾; но всюду слову *чалабъ* — *چلب* — дается мѣсто какъ высокопарному книжному термину, а не какъ обыденному, употребительному въ жизни, ходячему въ народѣ имени Божію: въ этомъ послѣднемъ назначеніи мы находимъ другое старотурецкое же слово *тэкры* — *تکری*. Вотъ нѣсколько примѣровъ для этого: *ان سزوک اوستوکوزه تکری سلامی* = «Благословеніе Божіе на васъ!»; *ان قوندلر اندن تکری تعالی حضرتک ذکرینه*

1) Рукоп., 175 в. — 2) Л. 178 в. — 3) Л. 164 в. — 4) Л. 50 в. — 5) Л. 139 в. — 6) Л. 153 в. — 7) Л. 165 г. — 8) Л. 165 в. — 9) Л. 232 г. — 10) Лл. 202 г., — 213 г. & в. — 11) Л. 50 г.

اولدیلر¹⁾ = «Расположились тамъ и затѣмъ занялись славословіемъ Всевышняго Господа Бога»; ²⁾ تکرری امریلہ اول سیل ساکن اولدی = «Велѣніемъ Божиимъ тотъ потокъ успокоился»; ³⁾ سنیلر ایتدلر تکرری مردد قلا = «Сунниты сказали: «Помоги Боже!», и др. И очень рѣдко попадается наименованіе Бога персидскимъ словомъ *xuda* или *xuza* — ⁴⁾ دیدلر = «Сунниты сказали: «Помоги Боже!», и др. И очень рѣдко попадается наименованіе Бога персидскимъ словомъ *xuda* или *xuza* — ⁵⁾ خدا).

Такимъ образомъ изъ всего вышеизложеннаго съ несомнѣнностью явствуетъ, что въ ближайшую ко временамъ Крестовыхъ походовъ эпоху въ языкѣ турковъ-сельджуковъ не существовало слова *челеби* — چلبی — ни въ какомъ значеніи; слово же *салыбъ* — صلیب — «крестъ» было въ большомъ ходу, но только съ такимъ неуважительнымъ къ подразумеваемому подъ нимъ предмету отношеніемъ, что отпадаетъ всякая возможность предполагать какую-либо генеалогическую связь съ нимъ слова *челеби*, всегда имѣвшаго болѣе или менѣе высокое, благородное въ глазахъ турковъ значеніе.

То, что наблюдается въ «Сказаніи о Меликѣ Данышмендѣ» по занимающему насъ предмету, въ такой же мѣрѣ и степени усматривается и въ другомъ, также несомнѣнно старинномъ, памятникѣ турецкой письменности, а именно въ *Гарибъ-намэ* — *Гарибъ-намэ* — Аашикъ-паши, гдѣ безпрестанно упоминается имя Божіе въ видѣ *чалабъ* — چلاب, то водиночку, то въ сочетаніи съ словомъ *حق* = «Господь, Истина», и гдѣ однако же не находится рѣшительно ничего такого, что могло бы навести на мысль о какомъ-либо, непосредственномъ или даже косвенномъ, отношеніи этого слова къ арабскому *салыбъ* — صلیب. Въ этомъ нетрудно убѣдиться хотя бы по слѣдующимъ отрывкамъ, взятымъ изъ вышеназваннаго знаменитаго дервишскаго, какъ я его называю, *Стоглава*, написаннаго въ 730 = 1330 году и проштудированнаго мною по тремъ рукописямъ коллекціи Сиялджи въ Будапештѣ, изъ коихъ наиболѣе древняя по всѣмъ признакамъ рукопись № F. 46⁶⁾). Такъ, въ одномъ мѣстѣ читаемъ:

1) Рукоп., л. 165 г. — 2) Л. 234 в. — 3) Л. 239 г. — 4) Лл. 113 г., 156 г., — 178 в., 234 г. — 5) Лл. 50 в., 213 г.

6) Рукопись № F. 46, содержащая въ себѣ *دیوان عاشق پاشا*, въ рукописномъ каталогѣ бібліотеки Будапештской Академіи наукъ носитъ ошибочное названіе *تاریخ عاشق پاشا*. Она заключаетъ въ себѣ 326 листовъ формата 30 X 21 сантим.; написана на толстой бомбицивъ въ два столбца крупнымъ почеркомъ среднимъ между нѣсхи и та'ликомъ, съ херекетами, прекращающимися на листѣ 294. Конца у нея нѣтъ, а потому нѣтъ и даты; но по внѣшности она должна быть XV в., если не конца XIV в. Правописаніе архаичное. Диванъ Аашика въ ней не полнаго состава, какъ и въ остальныхъ двухъ кодексахъ, равно какъ и въ кодексѣ Британскаго музея (Cat. of Rieu, p. 160: Harl. 5511), и въ кодексѣ Оксфордской Бодлейяна (Рукописн. катал. № (112) 2150). Другіе кодексы Будапешта значатся одинъ подъ № Q. 1, а другой — подъ № F. 34, и всѣ они различнаго состава.

1. کیم نیلا اجدی اسلام بولنی	1. ذلكہ امدی مصطفا احوالنی
2. دیرلوباً چاہہ طاہر لر ادی	2. یر یوزی طہطلو کافر لر ایدی
3. سیلدی ہم کندو بیغامبر لغین	3. مصطفا عرض ایلدی حق ور لغین
.....	.....
4. تنکریا دُڤَر (?) توکُل قلدلر	4. دین قلیجن ال لرینہ الدلر
5. مدعیہ دوشمنہ منکرلره	5. صلدلر اول قلیج کافرلره
6. اول قاجدا بر دم امان بلدی ¹	6. هر که کلب اول مسلمان المدی

г. е.:

1. Теперь услышь обстоятельства Мустафы —	Чѣмъ онъ открылъ путь ислама.
2. Лицо земли полно было кяфи- ровъ;	Собравшись вкупѣ они поклонялись <i>кресту.</i>
3. Мустафа предъявил бытіе Бога, ...	Провозгласилъ и свое посланниче- ство.
4. Взяли въ свои руки мечъ вѣры, ...	На Бога, замѣтъ (?), упованіе воз- ложили,
5. Возверзли тотъ мечъ на кяфи- ровъ —	На противниковъ, враговъ, отвер- гателей.
6. Всякій кто, приходя, не сталъ мусульманиномъ,	Не находилъ пощады отъ меча того.

Въ другомъ мѣстѣ дивана находится такая тирада въ опроверженіе «нпсшей степени невѣрія» и невѣрныхъ:

1. حقہ مشرک کمدور عاصی کم	1. کورلوم اول ادنانوک ادناسیکم
2. قور محمد دنین ایرق دیندلر	2. اول بلر در کم بلر ذمی درلر
3. در که ینیم دینیز اسلام دکول	3. بو محمد دیننی قلمز قبول
4. قبلسی کون طوغشی معبود خاج	4. ادی کافر بیننا المش خراج
5. دکمه یرد بتلر چون اویبار ²	5. نکری دیب بتلر بتی دون کن طیار

1) Рукоп. F. 46, л. 11 v. 12 г. Непонятное начертаніе ڤدر я принимаю за возможную опіску вмѣсто ڤور въ значеніи повелительнаго наклоненія отъ глагола ڤورمق или ڤورمق = «notum facere, se faire arreger» (Méninski, Thesaurus, p. 2197), хотя и эта конъектура не кажется мнѣ вполне удовлетворительной и надежной.

2) Рукоп., л. 136 v.

т. е.:

1. Посмотримъ, кто низкій изъ низкихъ,	Кто Богу придаетъ товарища, кто супротивникъ.
2. Это суть тѣ, кого данниками называютъ;	Кто гонитъ Мухаммедову вѣру, другой вѣры хочетъ.
3. Сей не приемдетъ вѣры Мухам- меда;	Говорятъ: наша вѣра не есть ис- ламъ.
4. Ему имя кяфиръ; взявъ на шею себѣ онъ хараджъ;	Ему служить киблоу востокъ; а предметъ почитанія <i>крестъ</i> .
5. День и ночь поклаются идолу эти, говоря, что онъ Богъ;	По всей землѣ строятъ идоламъ домы.

Точно также и христіане въ диванѣ Ашикъ-паши называются, кромѣ приведеннаго выше слова *کر مسلمان کر جهود کر: نصرنی ذمی*, еще именовъ *نصرنی* (1); но только не обозначаются словомъ *صلیبی* или какимъ-нибудь другимъ, похожимъ по значенію, или хоть по начертанію на это или на турецкое *صلیبی*.

Все то, что оказывается относительно употребленія и значенія слова *صلیبی* и *نصرانی* въ диванѣ Ашикъ-паши, имѣеть мѣсто и во множествѣ другихъ сравнительно старинныхъ памятниковъ османской письменности, и вособенности обиліемъ примѣровъ для этого отличается сочиненіе Ибнъ-Хатыба *فتح نامه — Ферахъ-намэ —*, написанное въ 829 = 1426 году 2), не говоря уже о другихъ, позднѣйшихъ, которые не могутъ приниматься въ расчетъ съ такимъ же авторитетомъ, какъ старинные.

Слово *салыбъ* — *صلیب* — и производное отъ него *салыби* — *صلیبی* — возникли и получили наибольшее распространеніе, надо полагать, со временъ Крестовыхъ походовъ въ Азію для обозначенія этого враждебнаго и ненавистнаго тогдашнему мусульманскому міру и противнаго мусульманскому чувству историческаго явленія. Созданныя арабами, эти слова и обиходными были попреимуществу у арабовъ же и въ арабской письменности. А потому если они иногда и появляются въ произведеніяхъ турецкой письменности, то въ такихъ, на которыхъ сказалось непосредственное вліяніе арабское. Къ такой категоріи можно, на примѣръ, отнести

1) Ibid., л. 136 v.

2) Рукопись Академіи Наукъ въ Будапештѣ № О. 24, большой кодексъ въ 253 листа формата 21 X 15 смт., имѣющей дату 728 = 1522 г. Слово *صلیب* встрѣчается въ ней на лл. 11 v., 89 г., 97 v., 138 г., 188 v., 229 г. и др.; слово *نصرانی* на лл. 128 г. и 209 v.

рукопись Парижской Национальной библиотеки № А. Ф. Т. 56 подъ заглавіемъ فتح شام = «Покореніе Сиріи», переводъ съ арабскаго сочиненія автора Вакиды, сдѣланный шейхомъ Мустафа-Ибнъ-Юсуфъ-бенъ-Омаръ-Аззагиромъ Аль-Эрзенурруми въ 785 = 1383 году для Мелика Жел-бана, набѣа алеппскаго, какъ это видно изъ предисловія и изъ конечной памятки перваго тома. Авторъ не очень честитъ невѣрныхъ-товарищниковъ¹⁾; а за нимъ и переводчикъ, перечисляя разныя страпы и поименовывая ихъ жителей, тоже выражается въ духѣ арабскаго подлинника, — что всѣ эти народы, кромѣ правовѣрныхъ мусульманъ, «поклоняются кресту» — ذكلى صليبه (2); затѣмъ про одного іерусалимскаго священника говоритъ, что онъ былъ очень ученый человекъ и «былъ въ почитаніи у всего народа креста» — صليب ملتنوك معتبردر (3); но тутъ же рядомъ, оставаясь туркомъ, пять разъ подрядъ называетъ христіанъ *насрани* — نصرانى (4) и говоритъ, что «кяфиры служатъ кресту» — كافرلر . . . خاجه طير (5), замѣняя тутъ арабское слово صليب еще, пожалуй, болѣе употребительнымъ и обиходнымъ у турковъ персидскимъ словомъ خاج.

Какъ на путь, которымъ арабское *салыби* — صلیبی — перешло потомъ въ турецкое *челеби* — چلبی —, указываютъ вотъ на что. «Если мы припомнимъ», говоритъ мой почтеннѣйшій коллега проф. баронъ В. Р. Розенъ, «общезвѣстный (будто бы *В. С.*) фактъ, что несторіанскіе миссіонеры — первые просвѣтителы тюркскихъ народовъ; что они, какъ выражается Ахмедъ-Вефикъ, обучали ихъ грамотѣ; . . . и что миссіонерская ихъ дѣятельность обращалась особенно къ царствовавшимъ или властвовавшимъ тюркскимъ родамъ, то мы безъ затрудненія поймемъ, какимъ образомъ значеніе *челеби* измѣнялось съ теченіемъ вѣковъ. Въ самомъ началѣ имъ вѣроятно обозначались проповѣдники «креста», затѣмъ принявшіе эту проповѣдь. Такъ какъ въ числѣ послѣднихъ первоначально должны были быть особенно представители царствовавшихъ родовъ, то слово *челеби* и могло долго употребляться для обозначенія члена такого рода. Но такъ какъ христіанскіе *челеби* вмѣстѣ съ тѣмъ были и единственными представителями образованности, то слово *челеби* получило также и значеніе образованнаго, грамотнаго человека. За симъ это раздвоеніе (? *В. С.*) значенія дѣлаетъ дальнѣйшіе успѣхи, причемъ совершенно теряется первое значеніе и сохраняется

1) Рукопись безъ даты, но навидъ довольно старая. См. л. 119 в., 178. г & в. и 197 г.

2) Op. cit., л. 23 г.

3) Ibid., л. 120 г.

4) Ibid., л. 120 г. & в.

5) Ibid., л. 120 г.

только второе, которое въ свою очередь въ концѣ концовъ получаетъ даже ироническій (Sic! B. C.) отгѣнокъ¹⁾.

Приведенное соображеніе было бы убѣдительно, если бы въ доказательство того, что несторіанскіе миссіонеры обучили турковъ грамотѣ, было представлено что-либо болѣе вѣское, чѣмъ голословное заявленіе объ этомъ Ахмедъ-Вефыкъ-паши, авторитетъ котораго въ данномъ случаѣ мало внушительно, такъ какъ повѣйшіе турецкіе ученые во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ по части османской исторіи и археологій, сколько мнѣ извѣстно, основываются исключительно на европейскихъ пособіяхъ, ровно ничего не прибавляя новаго изъ какихъ-либо своихъ отечественныхъ источниковъ. Исключенія не представляетъ и Ахмедъ-Вефыкъ-паша, такъ себѣ пустившій цитуемую фразу. Не менѣе достовѣрно, что турки встарь не отличались грамотностью, такъ что даже султанская канцелярія долгое время пользовалась для своихъ надобностей услугами персовъ, а потомъ грековъ и армянъ; но все же въ основу ихъ послѣдующей книжности легло знаніе и употребленіе мусульманскихъ языковъ арабскаго и персидскаго, а не усиленіе и развитіе будто бы издавна усвоенныхъ ими культурныхъ вліяній христіанско-несторіанскихъ миссіонеровъ. Напротивъ того: я имѣю основаніе думать, что ненавидное туркамъ христіанство, какъ религіозная доктрина, стало таковымъ для нихъ именно прежде всего въ лицѣ христіанъ *несторіанской* секты. Основаніе это я усматриваю въ томъ, что въ вышеупомянутомъ «Сказаніи о Меликѣ Данышмендѣ» главнѣйшимъ, центральнымъ дѣйствующимъ лицомъ, отъ начала и почти до конца Сказанія, является человекъ, посылчій имя «*Несторъ*» — *نسطور*. Едва ли это можно приписать простой случайности: вѣрнѣе будетъ видѣть въ этомъ народно-эпическое олицетвореніе въ одномъ человекѣ, какъ представителѣ совокупности людей, образующихъ въ глазахъ турковъ одно цѣлое вслѣдствіе принадлежности ихъ къ одному христіанскому вѣроисповѣданію, ведущему свое начало отъ ересиарха *Несторія* и очень въ свое время распространенному въ Сиріи и Малой Азіи. Этому олицетворенному врагу мусульманства противопоставляется Меликъ Данышмендъ, олицетворенный поборникъ ислама, соединяющій въ себѣ властное (Меликъ) геройство съ ученостью (Данышмендъ). Такое важное историческое значеніе личности Мелика Данышменда въ народной памяти турковъ, даже турковъ-османовъ, косвенно подтверждается еще тѣмъ, что время его царствованія иногда принимается за хронологическую эру наравнѣ съ другими знаменательными въ мусульманскомъ мірѣ эрами. Примѣръ этого мы видимъ у османскаго поэта Ахмеди (+ 815 = 1412), который въ эпиграфѣ

1) Бар. В. Розенъ, въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Импер. Рус. Археол. Общества, т. V, стр. 305—306.

своей поэмы *Искендэр-наме* — اسکندر نامه — пишетъ, что она была окончена имъ «Перваго раб'уль-ахара 792 отъ бѣгства Мустафы, когда прошло 1700 лѣтъ отъ царя Секендера, 759 лѣтъ отъ царя Ездеджирда и въ 310 г. послѣ царствованія *Меликъ-шаха*»¹⁾.

Такимъ образомъ, если бы допустить, что терминъ *челеби* — چلبی — первоначально означалъ христіанина, а потомъ усвоенъ былъ турками въ значеніи литературно-образованнаго человѣка, то уже простая мусульманская гордыня ихъ не помирилась бы съ мыслью, что такимъ образованнымъ человѣкомъ прежде всего можетъ быть только человѣкъ, носившій знакъ креста, т. е. христіанинъ, а тѣмъ паче едва ли бы мусульманская безрелигиозность къ христіанскому крестному знаменію позволила туркамъ ввести у себя въ употребленіе въ качествѣ лестнаго и почетнаго для мусульманъ эпитета такое слово, которое прямо или косвенно напоминало бы объ этомъ ненавистномъ для нихъ христіанскомъ символѣ. А между тѣмъ этотъ эпитетъ мы видимъ въ приложеніи даже къ выдающимся именамъ писателей въ мусульманско-богословской отрасли османской литературы до знаменитаго Кятибъ-челеби включительно: это болѣе чѣмъ сомнительно.

Въ этомъ отношеніи лишь вскользь упомянутая барономъ В. Р. Розеномъ легенда о предкахъ Эр-Тогруля, рассказанная у византійца Франдзи, имѣетъ, по моему мнѣнію, весьма существенное значеніе въ занимающемъ насъ вопросѣ. Тутъ важна не глосса, очевидно позднѣйшая и во всякомъ случаѣ посторонняя тексту византійской хроники, а важно то, что содержится въ самомъ текстѣ ея. А тамъ вслѣдъ за сообщеніемъ факта переименованія Іоанна, племянника греческаго императора Іоанна Комнена, сына брата его Исаака, въ *Челеби* — Τζελεπίς —, по принятіи имъ ислама, довольно внушительно повѣствуется о качествахъ этого перебѣжчика, которыя, надо полагать, и послужили главнымъ основаніемъ для приданія ему эпитета *челеби*, принятаго Франдзи за собственное самостоятельное имя, не существующее, какъ извѣстно, въ мусульманскихъ святцахъ. «Этотъ мужъ», читаемъ мы у Франдзи, «былъ свѣдущъ въ эллинской мудрости и боекъ въ разговорѣ на арабскомъ діалектѣ. Онъ былъ тароватый и щедрый юноша, что нравилось всѣмъ, и вособенности варварамъ; онъ былъ обходителенъ съ тѣми, кто были ниже его, что очень важно для командующихъ, и въ чемъ (ихъ) успѣхъ; настойчивъ въ достиженіи цѣли, какъ бы это было общимъ чѣмъ; творилъ то, что зависѣло отъ него, и гово-

1) Рукоп. Имп. Публ. Библ., IV, 2: 82 л. 229 г.; и другая рукопись № 565, л. 232 г.; Rieu, Catalogue of the Turkish manuscripts, p. 162^b—163^a). — [Этотъ Меликъ-шахъ безъ сомнѣнія есть знаменитый сельджукидъ Джалал-эд-дѣйнъ, при которомъ была сдѣлана известная попытка установить новую эру. — *Ред.*]

рилъ, что такъ оно и должно быть; былъ участливъ ко всѣмъ въ случаѣ нужды, помогалъ и поддерживалъ; улаживалъ возникавшіе между ними разлады и умиротворялъ раздоры. И никто не противорѣчилъ его словамъ и желаніямъ; былъ любимъ своимъ тестемъ¹⁾ и всѣми прочими; что хотѣлъ, то и дѣлалъ, и варвары считали его вторымъ Мухаммедомъ²⁾. Вотъ настоящій взглядъ правовѣрнаго турка на человѣка, достойнаго имени *челеби*: знаніе эллинской мудрости, арабскаго языка, убѣдительная рѣчь и щедрость; высшимъ же идеаломъ, которому можегъ уподобиться такой человѣкъ, все-таки остается *Мухаммедъ*. Однимъ словомъ, тутъ превозносится личная обаятельность христіанскаго апостата, такъ импонировавшая на варваровъ, а не аристократическое его происхожденіе, какъ это произвольно подчеркивается въ глоссѣ къ тексту Франдзи. А обаятельность эта также довольно явственно приписывается именно образованности этого человѣка — его обходительности, настойчивой энергіи и главнѣйше краснорѣчію, за что и стали величать его новые соотечественники прозвищемъ *Челеби*. Что тутъ дѣло было не въ благородствѣ происхожденія только, это даетъ понять и самъ Франдзи, присовокупляя въ концѣ своего разсказа замѣчаніе, что другіе, писавшіе объ этомъ предметѣ, держатся иного взгляда, а именно что этотъ *Челеби* не былъ сынъ брата Іоанна Комнена, а кто-то другой, только соименный съ нимъ³⁾. Самъ же Франдзи лишь предпосылаетъ разсказываемой имъ легендѣ оговорку, что онъ будетъ излагать то, что онъ разузналъ отъ людей ученыхъ и что нашелъ въ письменныхъ памятникахъ⁴⁾.

Изъ этого историческаго или легендарнаго эпизода несомнѣнно вытекаетъ то, что слово *челеби* было въ большой модѣ у турковъ Малой Азіи, входившихъ въ близкое соприкосновеніе съ греками, дотогу въ модѣ, что чуждые туркамъ люди могли принимать его въ примѣненіи къ нѣкоторымъ конкретнымъ личностямъ даже за собственное имя ихъ. Затѣмъ отсюда еще явствуетъ, что это слово значило въ тогдашнемъ турецкомъ живомъ языкѣ человѣка столь образованнаго и обаятельнаго, что онъ выдѣлялся изъ толпы своею представительностью и импонировалъ ею на окружающихъ. А что частнымъ лицамъ приписывалось по дѣйствительнымъ ихъ свойствамъ и достоинствамъ, то членами властвовавшихъ фамилій, какъ водится, самовольно присваивалось себѣ въ качествѣ нравившагося имъ до-

---

1) Онъ былъ женатъ на дочери сельджукскаго эмира.

2) Phrantzes, Lib. I, cap. XX, p. 70—71.

3) Phrantzes, Lib. I, cap. XX, p. 68.

4) Ibid.

бавочнаго титула, или же придавалось имъ угодливиостью тѣхъ, кто находилъ это почему-либо нужнымъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

Другое косвенное подтвержденіе высказаннаго соображенія находимъ въ еще болѣе раннемъ, чѣмъ византійскія хроники, памятникѣ греческой письменности, въ трапезундской хроникѣ Михаила Панарета, уроженца города Трапезунда, повѣствующаго о нѣкоторыхъ событіяхъ своего отечества въ качества очевидца и даже участника въ этихъ событіяхъ. Подъ 1362 годомъ Михаилъ Панаретъ записитъ въ свою хронику фактъ прибытія посла отъ эмира *Челеби* Таджъ-Эддина по дѣлу о сватовствѣ его за дочь греческаго императора киръ-Евдокію, съ которою этотъ Таджъ-Эддинъ *Челеби*, послѣ многихъ переговоровъ чрезъ посредство пословъ ромейскихъ и мусульманскихъ, и сочетался въ 1380 году¹⁾. И здѣсь одинъ изъ эмировъ Малой Азіи то называется своимъ настоящимъ именемъ Таджъ-Эддинъ съ придаткомъ эпитета *челеби*, то однимъ послѣднимъ титуломъ безъ имени, вѣроятно по принятому тогда обычаю обходиться этимъ эпитетомъ безъ упоминанія именъ извѣстныхъ лицъ, о которыхъ говорилось или писалось, наподобіе того какъ тотъ же Михаилъ Панаретъ придумалъ для жены эмира Кутлу-бека, дочери греческаго императора киръ-Маріи, новое небывалое имя *Δεσποινάχρη*, склеивъ два разноязычныхъ слова—греческое *δέσποινα* и тюркское *خان*, которыя оба имѣютъ одно и то же значеніе «госпожа, мадамъ»²⁾.

Къ этимъ же временамъ, т. е. къ XIV в. относится упоминаніе слова *челеби*, даже съ объясненіемъ его значенія, у арабскаго писателя Ибнъ-Батуты при поименованіи имъ малоазійскихъ владѣтелей Ахы-*челеби*³⁾ Мухаммеда-*челеби*⁴⁾, Иззъ-Эддина Ахы-*челеби*⁴⁾ и Гази-*челеби*⁵⁾, истолковывающаго смыслъ этого слова арабскимъ словомъ *سيدي* = «monsieur, seigneur»⁶⁾. Самымъ же раннимъ остается пока появленіе слова *челеби* въ

1) Трапезундская хроника Михаила Панарета. Греческій текстъ съ переводомъ, предисловіемъ и комментаріями издалъ А. Хахановъ. Москва, 1905 г. Стр. 12 текста и 35 перевода. Г. Хахановъ невѣрно перевелъ греческую фразу «Καὶ πρέσβυς ἦλθεν ἐκ τοῦ Τραπεζιτῆ Τατταίνῃ διὰ τὴν συμπενθερείαν» = «Прибылъ посолъ Тазелеби Таджеддинъ по дѣлу о сватовствѣ», упустивъ изъ виду, кромѣ построенія самой фразы, что въ самой же хроникѣ дальше говорится о бракѣ самого Таджъ-Эддина челеби съ греческой царевной, гдѣ онъ названъ просто однимъ словомъ *Τραπεζιτῆ* (стр. 16 текста) съ добавкою уже отъ самого г. Хаханова имени *Татчи-Эддинъ* (стр. 41 перев.), и что потомъ еще разъ въ разказѣ о смерти Таджъ-Эддина въ сраженіи съ своимъ братомъ Сулейманъ-беемъ онъ названъ «зятемъ царя» (стр. 17 текста и 43 перевода).

2) Op. cit., стр. 13 текста и 36 перевода.

3) Ibn Bathouta, éd. Defrémery. Paris, 1854, II: 270.

4) Ibid., II: 349.

5) Ibid., II: 350.

6) Ibid., II: 270.

связи съ личностью Гази-челеби, подвизавшагося въ нападеніи на генуэзскіе корабли у Кафы въ 1313—1314 г. 1).

Если бы вѣрна была теорія о происхожденіи слова *челеби*, основанная на заявленіи Ахмедъ-Вефыкъ-паши, что грамотность турковъ пошла отъ несторіанскихъ христіанъ, то какихъ-либо слѣдовъ чего-нибудь похожаго на это можно было бы ожидать въ еще болѣе раннемъ письменномъ памятникѣ, въ грамотѣ эмира Аля-Эддина, данной Осману I въ 683 = 1284 на управленіе Зюгудомъ, въ которой суверенъ даетъ наставленіе своему тогда еще феодальному князьку Осману, впослѣдствіи первому османскому султану, касательно выбора себѣ хорошихъ секретарей, которые должны были бытъ его повѣренными тайнъ дѣльцами; но тамъ эти совѣтники называются *кятибами*—*كاتب*—²⁾). Это наименованіе литературныхъ людей у турковъ именовъ *кятибъ* — *کاتب* — такъ и удержалось до позднихъ временъ, а въ приложеніи къ знаменитому турецкому полигистору оно еще является въ соединеніи съ словомъ *челеби*, *Кятибъ-челеби*, причемъ добавленіе *челеби* служитъ какъ бы подновленіемъ, освѣженіемъ забывшагося значенія прежняго официальнаго титула *кятибъ*.

Но одно простое многократное и многообразное нахожденіе слова *челеби* хотя бы и въ довольно старинныхъ памятникахъ восточной и европейской письменности все же не раскрываетъ истинной природы этого слова, представляя лишь сырой матеріалъ, надъ которымъ приходится раздумывать, какъ разобраться въ немъ хоть съ приблизительною пользою для рѣшенія занимающаго насъ вопроса. Прежде всего тутъ обращаетъ на себя вниманіе чрезвычайное разнообразіе формъ, въ которыя вылилось турецкое *челеби*. Такихъ формъ ни больше, ни меньше какъ пѣлыхъ двадцать девять, или даже тридцать, которыя по источникамъ, изъ которыхъ мы почерпаемъ ихъ, можно распредѣлить по такимъ группамъ: 1) *جلبى* у Ибнъ-Батуты и *چلبى* у всѣхъ османскихъ писателей; *Τζελεπίης* и *Τζαλαπίης* у писателей греческихъ; *Jhalabi*, *Challabinus*, *Zalabi*, *Zellapi*, *Zelevi* и *Zarabi* въ латинскихъ и итальянскихъ официальныхъ документахъ XIV в.; *Calepinus*, *Calapinus*, *Calapin*, *Chialapinus*, *Chialapius*, *Chialap*, *Kelebis*, *Cibellinus*, *Cibelinus*, *Cibelius*, *Chieleby*, *Celebi*, *Zialap*, *Zelevi*, *Cyris Kelebes*, *Cyriscelebes*, *Cyriscelebis*, *Cyricelibes* у европейскихъ—латинскихъ, итальянскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ писателей XVI вѣка.

Если сюда присовокупить еще справку изъ русскихъ лѣтописей, то въ нихъ мы читаемъ: «Того же (1393) лѣта Амуратовъ сынъ *Челябій*, иже срачински глаголется Амира, ... поиде на Българскую землю и пришедь

1) Heyd, Gesch. des Levantehandels im Mittelalter. Stuttgart, 1879. Vol. I: 601.

2) Феридунъ-бей, *Муншиати Салатинъ*, констант. изд., т. I, стр. 48, турецк. глосса.

взя градъ ихъ стольный славный Тръновъ»¹⁾, и слѣдовательно получимъ еще одинъ, тридцатый, вариантъ слова *челеби* въ видѣ *Челябий*²⁾, относящійся къ тѣмъ же приблизительно временамъ, къ какимъ относятся и прочіе.

Въ этой пестротѣ вариантовъ замѣчается одна важная особенность, которая и заставляетъ задуматься надъ тѣмъ, можно ли большинство ихъ прямо, безъ дальнихъ разсужденій, считать не болѣе какъ *искаженными* формами турецкаго *челеби* — چلبی —. Это было бы возможно въ томъ только случаѣ, когда бы турецкое чلبі было признано чистѣйшимъ первообразомъ, дальше котораго и идти не слѣдуетъ, между тѣмъ какъ мы видѣли, что турецкій корнесловъ не даетъ для этого никакихъ основаній; а натянутое сближеніе этого слова съ арабскимъ صلیبی или съ персидско-сирійскимъ چلیبا, или, наконецъ, съ архаическимъ турецкимъ چلب заставляеть считать и самое турецкое چلبі также, въ свою очередь, искаженіемъ котораго-нибудь изъ этихъ трехъ вариантовъ. Но старотурецкое слово چلب само нуждается въ отысканіи его корня, помимо того что оно совсѣмъ не вяжется съ چلبі по своему значенію и употребленію; а что касается арабскаго صلیبی, то позволительно, кажется, задать вопросъ, почему въ немъ начальный звукъ *с* долженъ былъ опять превратиться въ персидское *ч*: это вовсе не есть необходимое требованіе турецкой фонетики; не понятно также, почему турки не захотѣли удержать чистой арабской формы, а предпочли внести въ нее обратную коррупцію; равнымъ образомъ почему же, далѣе, туркамъ понадобилось, воспользовавшись сирійскою формою *цмбѣ*, подвергнуть ее дальнѣйшему искаженію чрезъ перемѣну конечнаго звука *а* въ *и*, что даже совершенно не въ духѣ турецкой фонетики, тѣмъ болѣе что турецкій языкъ не имѣетъ своего звука *и* для подобныхъ грамматическихъ образований, а пользуется для этой цѣли таковымъ арабскимъ или персидскимъ, какъ, напр., въ словахъ *مکتوبی*, *تشریفاتی* и т. п. На всѣ эти сомнѣнія не даетъ отвѣта одна только звуковая близость вышеприведенныхъ вариантовъ къ турецкому *челеби*. Гораздо важнѣе въ данномъ случаѣ не тѣ варианты, которые болѣе или менѣе близко подходятъ къ турецкому *челеби*, а, наоборотъ, тѣ, которые дальше отъ сходства съ нимъ, по крайней мѣрѣ при первомъ взглядѣ на нихъ. Не мудрено, что варианты *Zalabi*, *Zellapi*, *Zelevi*, *Celebi*, *Celebes*, *Celibes*, Τζαλαπίης, Τζελεπής, и даже, съ метатезисомъ слоговъ, *Cibelinus*, *Cibellinus* и *Cibelinus*, или съ перемѣною плавнаго *l* въ *r*, *Zarabi*, такъ или иначе могутъ быть приурочены къ слову *челеби*, пбо всѣ они начинаются съ шипящаго звука, колеблющагося между *ч*, *и* и *з*; но

1) Воскресенская въ П. С. Р. Л., т. VIII: 63; Никоновская, изд. 1789 г., т. IV: 252 и въ П. С. Р. Л., т. XI: 154.

2) Въ Никонов. Лѣт. изд. 1789 г.: «*Челюбин* Амира Турскій».

откуда же могли взяться другіе варианты, начинающіеся съ гортаннаго *к* или *х*, каковы *Kalepin*, *Calapin*, *Calapinus*, *Calepinus*, *Challabin*, *Jhalabi*, *Chialapinus*, *Chialopinus*, *Chialap*, *Kelebes* и *Kelebis*? Можно ли разновременное письменное воспроизведение этихъ вариантовъ приписать случайной ослышкѣ или безпричинному капризу записавшихъ эти варианты, и притомъ не только кабыетныхъ ученыхъ въ родѣ Павла Ювія или Лоницера, а даже такихъ бывалыхъ на востокѣ, наблюдательныхъ и разностороннихъ людей, каковы были Николай Сагундино и Антоній Жофруа? ¹⁾ Едва ли. А въ такомъ случаѣ нельзя игнорировать этихъ вариантовъ, не доказавши, что они не имѣютъ никакого для себя оправданія ни въ фонетикѣ, ни въ лексикологіи, въ данномъ случаѣ въ фонетикѣ и лексикологіи языковъ двухъ долгое время жившихъ и живущихъ въ сосѣдствѣ народовъ — грековъ и турковъ, такъ какъ прочіе европейцы могли или должны были въ собственномъ начертательномъ воспроизведеніи слова *челеби* слѣдовать тѣмъ или другимъ, грекамъ или туркамъ, смотря потому, отъ кого изъ нихъ они это слово впервые восприняли.

Обращаясь за справками къ фонетикѣ греческой, мы тамъ вовсе не находимъ шипящаго звука *ч* или близкаго къ нему, такъ что когда греки вынуждены бываютъ воспроизводить на письмѣ этотъ чуждый имъ звукъ, то они прибѣгаютъ къ ухищренному буквосочетанію τζ, что мы и видимъ въ начертаніи слова Τζαλαπῆς или Τζελεπῆς. Слѣдовательно возникновеніе какъ этого звука *ч*, такъ и самаго слова *челеби*, никоимъ образомъ не могло произойти на почвѣ греческой: оно могло явиться у грековъ лишь какъ позаимствованіе изъ чужа; а у кого же, какись, ближе всего имъ было заимствовать, какъ не у турковъ же, у которыхъ и самое слово *челеби* въ большомъ употребленіи, и въ рѣчи которыхъ сильно даютъ себя чувствовать шипящіе звуки, и въ томъ числѣ звукъ *ч*.

Такъ и было до сихъ поръ принято думать въ европейскомъ ученомъ мірѣ, и на этомъ основаніи профессоръ Карабачекъ, коснувшись въ своемъ пумизматическомъ изслѣдованіи титула *Zebebi*, приданнаго сельджукскому князю Хедиру (Хызру) въ договорѣ 1348 года, совершенно резонно

1) Непосредственная въ живомъ обращеніи наблюдательность и въ извѣстной степени критическая разборчивость А. Жофруа съ несомнѣнностью свидѣлствуется неоднократно собственными его на это указаніями въ родѣ слѣдующаго: «Interim dicunt Sultan Selyman Cham, quod pronunciant Tchaam, quae vox denotat Dominum, sed lingua Tartarica, non Turcica, id quod mea opinione nonnullos Latinos movit eum vocare Sultanum Soleymannum Paacum. Ego eum à Turcis audivi nominari Badichaa et Badichaum Seleymanus vero tempore, quo haec scribimus» (Op. cit., p. 41). Въ другой разъ онъ замѣчаетъ: «Amurathes, quem Hungari et Slavonicis Amanrat appellant: Turcae vero Moratbe vel Morathe et Moratbegy, quod significat Morat dominum, Froissardo ipsos imitari cogitanti nominatus Lamorabaquin...» (Ibid., p. 49).

замѣчаетъ, что этотъ титулъ есть турецкое *چلبی* = *челеби*. Но вслѣдъ за симъ, приводя другіе варианты этого слова — *Zalabi*, *Zellari* и *Challabin*, въ такомъ же рѣшительномъ тонѣ заявляетъ: «welche letzere Verhuzung sich aus einer Verlesung des *türkischen Schriftzuges* ohne Mühe erklären lässt. Die christlichen Schriftsteller haben aus diesen Titel auch noch *Celebin*, *Kalepin*, *Calebis* und *Cibelin* gemacht»¹⁾. Это послѣднее заявленіе Карабачека въ примѣненіи ко всѣмъ другимъ вариантамъ, кромѣ *Zelevi*, столь же смѣло, сколь мало основательно, и совершенно такого же ученаго достоинства, какъ и другое хитроумное истолкованіе имъ собственнаго имени *Mahabut* посредствомъ арабскаго «*مجاهد* *Mudschähid* d. i. Glaubens Kämpfer»²⁾, когда въ *Mahabut* такъ легко усматривается искаженіе имени *Mahomet* — *Магометъ*.

Но проф. Карабачеку, какъ и многимъ другимъ, не представлялось, очевидно, случая или надобности обратить вниманіе на тотъ знаменательный фактъ, что большинство тѣхъ ученыхъ, которые касались вопроса о значеніи слова *челеби*, отъ Левенклава до нашихъ современниковъ включительно, выражаютъ, если не полную увѣренность, то какое-то инстинктивное чувство, что хотя это слово и было въ исключительномъ употребленіи только у сельджукско-османскихъ турковъ, по всетаки оно не коренного турецкаго происхожденія; а Левенклавъ сдѣлалъ даже одинъ вѣрный шагъ по пути къ объясненію сложнаго имени *Cyriscelebes*, въ составъ котораго входитъ слово *челеби*: онъ совершенно правильно и убѣдительно истолковалъ первую половину его, относительно же второй половины оставилъ вопросъ открытымъ.

Миѣ же думается, что источника къ объясненію и второй половины загадочнаго имени слѣдуетъ искать также не въ какомъ другомъ языкѣ, какъ въ греческомъ. Но прежде чѣмъ указать на то греческое слово, изъ котораго могло образоваться турецкое *челеби*, я позволю себѣ предпослать тѣ соображенія, которыя должны служить косвеннымъ подкрѣпленіемъ предлагаемой мною конъектуры.

Замѣчательенъ тотъ фактъ народной психологіи, что въ ряду заимствуемыхъ однимъ народомъ отъ другого словъ ранѣе всего являются слова, означающія почетные титулы или слова обращенія. Возьмемъ для примѣра хоть нашъ русскій языкъ: французскія слова обращенія *monsieur*, *madame*, *mademoiselle*, *mon cher* и т. п. и даже англійское — *mister*, и итальянское *signore*, давно вошли въ обиходъ русскаго такъ-называемаго

1) *Numismatische Zeitschrift*. Wien. Vol. IX: 208, Anm. 18.

2) *Ibid.*, 209, Anm. 21.

образованнаго общества, не говоря уже про всевозможные официальные титулы, которые у насъ чуть не всѣ сплошь иноязычнаго происхожденія до недавно еще бывшаго въ употребленіи титула *oberъ*-священника и доселѣ существующаго величанія архіереевъ «Εἰς πολλὰ ἔτη δέσποτα!» включительно. Падкость на чужезычныя самовеличанія, лишь бы они были замысловатѣе, не составляетъ признака позднѣйшаго только модничанья: она имѣла мѣсто и въ очень отдаленныя отъ насъ времена: набѣгъ варяговъ утвердилъ на Руси званіе *князя* за главарями русскихъ племенъ. Первый изъ коренныхъ русскихъ митрополитъ XI в. Иларіопъ въ своей церковной проповѣди «О законѣ и благодати», очевидно, хотѣлъ воздать особую честь и похвалу Св. князю Владиміру Равноапостольному, присокупивъ къ его русскому имени тюркско-хазарскій титулъ *хагана*, и т. д.

Въ этомъ отношеніи и турки-сельджуки не составляютъ исключенія. Выбравшись въ Переднюю Азію, турки вошли въ самое тѣсное соприкосновеніе съ греческимъ населеніемъ; превосходя послѣднее силою своего завоевательнаго напора, турки невольно уступали его культурному превосходству, и потому естественно, что они, по справедливому выраженію Левенклава, старались «подражать во всемъ грекамъ какъ обезьяны». Наглядные и несомнѣнные слѣды этого обезьянничанья мы видимъ, напримѣръ, въ трехъ словахъ *Истамбулъ* — استانبول —, *эфенди* — ائندی — и *ахунъ* — اخون —, которыя, будучи греческаго происхожденія, сперва возникли въ обиходной рѣчи турковъ, а потомъ отъ нихъ получали такое широкое распространеніе въ разныхъ частяхъ мусульманскаго міра, до нашихъ захолустныхъ татарскихъ деревень включительно, что рѣдко кому прійдетъ въ голову мысль о греческой природѣ этихъ дезертировъ эллинской рѣчи.

Относительно перваго — *Истамбулъ* — въ наукѣ нѣтъ уже никакихъ сомнѣній, что оно образовалось изъ греческаго сущ. πόλις = «городъ» и предлога εἰς = «въ», съ которымъ оно чаще всего должно быть слышаться въ разговорной рѣчи, употреблявшись въ томъ смыслѣ, въ какомъ и у насъ даже попытѣ живущіе на окраинахъ какого-либо города говорятъ, отправляясь въ центръ города: «Пойду въ городъ». Хотя у византійскихъ писателей это выраженіе разнообразится сочетаніемъ существительнаго πόλις и съ другими предлогами — ἐν, ἐκ и т. п., но всегда вмѣсто настоящаго названія греческой столицы — Κωνσταντινουπόλις —¹⁾. Это тѣмъ болѣе было примѣнимо къ Константинополю, что онъ, будучи обнесенъ внуши-

1) Примѣровъ сколько угодно въ византійскихъ хроникахъ: Phrantzes, 72 (ἐν τῇ πόλει), 113 (εἰς τὴν πόλιν) и др. Ducas: 54, 98, 100, 252 и др.

тельными стѣпо-башенными огражденіями, рѣзко выдѣлялся не только отъ ближайшихъ окрестныхъ поселеній, но и отъ всѣхъ своихъ непосредственно къ нему примыкавшихъ предмѣстій.

Равнымъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію и греческое происхожденіе турецкаго слова *эфенди* — *افندی* —, которое даже въ своемъ звуковомъ составѣ меньше чѣмъ какое другое отошло отъ своего древняго греческаго первообраза *ἀφέντης*, но вошло въ столь обычное употребленіе у турковъ, что самимъ грекамъ пришлось потомъ пользоваться этимъ, насквозь протурченнымъ и промусульманеннымъ, титуломъ въ своихъ обращеніяхъ младшихъ по положенію лицъ къ старшимъ поневолѣ съ тѣмъ звукоизмѣненіемъ, какое придано ему варварскою фонетикою, хотя въ книжномъ употребленіи оно сохранило еще свою первоначальную форму¹⁾.

Сколь давно слово *эфенди* — *افندی* — было облюбовано турками, съ точностью трудно сказать; ни въ «Сказаніи о Меликѣ Данышмендѣ», ни въ диванѣ Ашикъ-паши я ни разу не встрѣтилъ его; но оно находится въ *Искендэръ-намэ* — *اسکندر نامه* — Ахмеди Сиваси (+ 815 = 1412). Въ томъ мѣстѣ поэмы, гдѣ дается характеристика султана Баязида I, говорится: *شیشوا افندی کلدی اكا بی نوا * اتدی آئی مجموع خلقه پیشوا* = «Приходилъ къ нему смиренный шейхъ *эфенди*, * И онъ ставилъ его во главѣ всего люда». Равнымъ образомъ я уже дважды встрѣтилъ его въ *Ферахъ-намэ* — *فرح نامه* — Ибнъ-Хатыба, въ сочиненіи, написанномъ въ 829 = 1426 году, а именно: *بو غلام افندسن قتل ایلدی* = «Этотъ рабъ убилъ своего господина»; и еще: *هم افندیسن اویتمز دیر خوجه* = «Тотъ стражъ не спитъ ни одной ночи, * Не даетъ спать и своему господину, говоритъ ходжа». Поэма Ахмеди и сочиненіе Ибнъ-Хатыба относятся какъ разъ къ тому времени, когда турки, оправившись отъ Тимуровскаго погрома, еще тѣснѣе стали облегать со всѣхъ сторонъ византійскую столицу, центръ тогдашней византійской декадентской культурности. Турки, начавшіе еще въ Малой Азіи заражаться вкусомъ къ греческому краснорѣчію, теперь, вплотную прикинувъ къ настоящему источнику и цвѣтнику византійской риторки, еще больше стали вбирать въ свой языкъ продукты византійской риторической изобрѣтательности⁵⁾ по

1) *Turcograeciae libri octo a Martino Crusio... quibus graecorum status sub imperio Turcico... describitur.* Basileae, 1584, in-folio. Lib. III: 224, 228; Lib. IV: 288, 292, 300, 312, 328, 329, 336 и др.

2) Рукоп. Импер. Публ. Библ. Dorn, Catalogue, № DLXV, л. 202 verso.

3) Будапештская рукоп. *فرح نامه* 0.24, л. 68 recto.

4) *Ibid.*, л. 174 v.

5) А до чего доходила эта изобрѣтательность, объ этомъ можно судить по необычайному множеству восхвалительныхъ эпитетовъ въ греческой эпистолярной литературѣ

части титуловъ и окончательно усвоили себѣ титулы *челеби* и *эфенди*, которые могли выгѣснить какіе-нибудь другіе¹⁾.

Къ такимъ же заимствованіямъ я отпущу не удержавшееся у самихъ турковъ, но перешедшее къ другимъ мусульманамъ за предѣлами Турціи слово *ахунъ* — *اخوان* или *اخوند* —. Этому слову также нельзя подыскать объясненія иначе какъ въ греческомъ *ἄρχων*, которое у Крузія переведено полатыни «*nobilis vir*»²⁾ и «*dominus*»³⁾, и въ этомъ послѣднемъ значеніи фигурируетъ въ византійской эпистоликѣ со множествомъ самыхъ вычурнѣйшихъ греческихъ прилагательныхъ превосходной степени въ примѣненіи къ почетнымъ лицамъ духовнаго сана и церковно-богословской учености. Послѣднее обстоятельство, очевидно, и было причиною, по которой это слово, обтершись, подобно словамъ *челеби* и *эфенди*, объ точило турецкаго выговора, не удержалось въ турецкомъ обиходѣ, на мѣстѣ своего возникновенія, а нашло себѣ пріютъ вдали, у другихъ мусульманскихъ народностей — у персовъ, тюрковъ Средней Азіи и Кавказа, и даже у нашихъ татаръ, которые могли и не знать, и дѣйствительно не знали и не подозревали о его происхожденіи изъ языка невѣрныхъ грековъ и объ употребленіи его въ значеніи, имѣвшемъ ближайшее отношеніе къ христіанской вѣрѣ, къ христіанской церкви⁴⁾.

Мысль о греческомъ происхожденіи слова *ахунъ* — *اخوان*, *اخوند* — впервые высказана мною еще на XI международномъ конгрессѣ ориенталистовъ въ Парижѣ въ 1897 году⁵⁾. Тамъ переходъ этого слова въ мусуль-

XV вѣка, какъ напр. τιμώτατος (Crusius, lib. IV: 290, 318, 319, 321 и др.), λογιώτατος (Ibid., 312, 325, 326 и др.), Θεοφιλέστατος (Ibid., 292), Θειώτατος, Θεοχαρίτατος (Ibid., 302), σοφώτατος (Ibid., 304, 306 332, 342), ἐντιμώτατος (Ibid., 304, 320, 324, 342), σπουδαιώτατος (Ibid., 311), συνετώτατος (Ibid.), ἐνδοξώτατος (Ibid., 315), ἐκλαμπρότατος (Ibid.), ἀνδρικότατος (Ibid.), φρονιμώτατος (Ibid.), περιφανέστατος (Ibid., 317), πωθεινώτατος (Ibid., 318), εὐγενέστατος (Ibid., 319), χρησιμώτατος (Ibid., 333), εὐλαβέστατος (Ibid., 334), даже ρητορικότατος (Ibid., 330, 331) и μουσικότατος (Ibid., 323) и др.

1) Что касается того, что глава ордена дервишей мевлеви въ настоящее время титулуется *челеби-эфенди* (Gibb, History of Ottoman poetry, vol. I, p. 151, 3), то отсюда еще ничего нельзя вывести относительно давности употребленія такого сложнаго титула, который вошелъ въ моду, надо думать, въ позднѣйшее время, въ родѣ того какъ теперь не рѣдко можно слышать въ Стамбулѣ названіе известной мечети Эюбийѣ «Султанъ Эюльъ», хотя такового султана никогда не существовало: ни въ сочиненіяхъ самого основателя ордена Джелаль-Эддина, ни даже въ сочиненіи его сына Султанъ-Веледа нѣтъ даже намекъ на то, чтобы они величались *челеби-эфенди*, хотя Гиббъ заднимъ числомъ и послѣдняго именуется также *Veled Chelebi* (Op. cit., 152, 1).

2) Op. cit., lib. I, p. 131; lib. IV: 244, 327, 336.

3) Ibid., lib. IV: 323, 324. Въ персидскомъ лексиконѣ Вуллера оно переведено: «*theologus, rector, magister, instructor*» (Vullers, I: 21).

4) Титуль *ἄρχων*, по свидѣтельству г. Пападопуло-Керамевса, и до сихъ поръ употребителенъ у грековъ только въ измѣненномъ видѣ *ἀρχός*.

5) Actes du onzième Congrès International des Orientalistes. Paris — 1907. Troisième section. Paris. 1899, pp. 156—157.

манскую среду въ Малой Азіи предположительно приуроченъ былъ мною къ временамъ усиленной пропаганды несторіанскаго христіанства. Хотя я теперь не стою за свое прежнее предположеніе, но считаю нелишнимъ здѣсь упомянуть, что моя конъектура, очевидно, нашла сочувствіе у француза Бонена (Ch. E. Bonin), который очень обстоятельно воспроизводитъ ее въ 1900 году въ своей статьѣ «Note sur les anciennes Chretientés Nestorienne de l'Asie Centrale»¹⁾, и даже въ выраженіяхъ, близкихъ къ моему докладу, но ни однимъ словомъ не обмолвился о моемъ рефератѣ, напечатанномъ въ трудахъ конгресса, отсылая въ то же время за другими справками къ своему собственному сообщенію, сдѣланному имъ на томъ же самомъ конгрессѣ.

Возвращаясь теперь опять къ слову *челеби*, я долженъ отмѣтить то весьма существенное, по моему мнѣнію, обстоятельство, что раньше всѣхъ, и притомъ весьма категорически, свидѣтельствуетъ о происхожденіи этого слова съ греческаго языка не кто иной, какъ Ибнъ-Батута, у котораго у перваго изъ мусульманскихъ писателей встрѣчается это слово. Въ томъ мѣстѣ описанія своихъ путешествій, гдѣ Ибнъ-Батута упоминаетъ о побывкѣ своей въ Куль-Хысарѣ, онъ говоритъ: *وسلطانها محمد جلبى و* (2) «А султанъ его (Куль-Хысара) Мухаммедъ *челеби*. А *челеби*... значить на языкъ греческомъ *сиди*». Во французскомъ переводѣ это мѣсто передано уклончиво: «Ce dernier mot, dans la langue du pays de Roïm, signifie monsieur, seigneur». Но баронъ В. Р. Розенъ идетъ далѣе и комментируетъ текстъ Ибнъ-Батуты слѣдующимъ образомъ: «По этому поводу Ибнъ-Батута замѣчаетъ, что *челеби* въ турецкомъ языкѣ (въ языкѣ Румовъ) значить «*сиди*»³⁾. Слѣдовательно баронъ В. Р. Розенъ расходится съ французскимъ переводчикомъ Ибнъ-Батуты въ томъ, что понимаетъ слово *الروم* въ значеніи народа, а не страны, но зато языкъ этого народа прямо и категорически считаетъ *турецкимъ*. Я же пришелъ къ убѣжденію, что пора навсегда оставить ни на чемъ не основанный ученый предразсудокъ, что будто подъ словомъ *الروم* — Румъ — всегда надо разумѣть Турцію, а подъ населеніемъ Рума непременно подразумѣвать турковъ, все равно какихъ — сельджуковъ или османлы. А оправданіе для своего воззрѣнія я прежде всего нахожу у того же самаго арабскаго писателя Ибнъ-Батуты, только пѣсколькими страницами далѣе того мѣста въ описаніи его путешествій, гдѣ находится подлежащее истолкованію извѣстіе съ упоминаніемъ титула *جلبى*. Я не считаю

1) Nouveau Journal Asiatique, 9 série, t. XV, p. 588.

2) Ibn Bathoutah, II: 270.

3) Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Археол. Общества, т. V, стр. 306.

возможнымъ согласиться съ толкованіемъ барона В. Р. Розена, что у Ибнъ-Батуты говорится о языкѣ *турецкомъ*, и вотъ по какому основанію. Въ данномъ случаѣ не надо было только ограничиваться однимъ вышеприведеннымъ мѣстомъ изъ Ибнъ-Батуты, а надлежало прослѣдить его терминологию въ остальной, ближайшей части его обширнаго и богатаго матеріаломъ труда, въ которомъ онъ касается турковъ. А тогда нельзя было бы не замѣтить, что Ибнъ-Батута, когда говоритъ о чемъ-либо турецкомъ, то такъ и называетъ его безъ всякихъ обиняковъ *турецкимъ*, а *румскимъ* называетъ *греческое*, и это намѣренное у него различіе вытекаетъ изъ самаго содержанія многихъ мѣстъ его арабскаго текста. Такъ, напр., онъ говоритъ: «خرج الى لقائنا اصحاب الغنى اخى احمد بجقبي وبق بالتركية السكين»¹⁾ = «Вышли навстрѣчу намъ члены братства Ахы Ахмедъ *Бычакчи*, а *бычакъ на турецкомъ* (значить) ножъ». Или: «وبعث الى بيت ييسى عندهم الخرقه»²⁾ = «И прислалъ мѣ (султанъ Мухаммедъ) палатку, которая называется у *нихъ* харка». Рассказывается въ одномъ мѣстѣ о томъ, что этотъ султанъ попросилъ Ибнъ-Батуту написать ему что-нибудь изъ хадисовъ. Ибнъ-Батута сейчасъ написалъ, конечно поарабски, и вручилъ это присутствовавшему на аудіенціи факигу (ученому законовѣду), а этотъ передалъ султану, султанъ же приказалъ факигу «написать ему толкованіе (т. е. переводъ) на языкъ *турецкомъ*» = «فامره ان يكتب له شرحها باللسان التركي»³⁾. Но зато въ другихъ случаяхъ онъ выражается иначе. Напр.: «اعطاني بعد ذلك ملوكا و اعطاني بعد ذلك ملوكا»⁴⁾ = «И подарилъ онъ (Омаръ-бекъ) мѣ потомъ маленькаго раба *греческаго* пяти лѣтъ по имени Николая». Или еще: «واشتريت بهذه المدينة جارية رومية تسمى مرغليطه»⁵⁾ = «И купилъ я въ этомъ городѣ рабыню *греческую* по имени Маргариту». Ясно, что въ послѣднихъ двухъ мѣстахъ идетъ рѣчь о *грекѣ* и *гречанкѣ*, и совершенно напрасно во французскомъ переводѣ поставлено въ соотвѣтствіе имъ «esclave chrétien» и «esclave chrétienne», съ произвольною замѣною обозначенія народности обозначеніемъ религіи.

Совершенно сознательное, а не случайное различіе у Ибнъ-Батуты народностей и языковъ, которыми говорили эти народности, явствуетъ изъ приводимаго имъ курьеза, заключавшагося въ томъ, что въ городѣ Моторни Ибнъ-Батута послалъ двухъ своихъ слугъ, должно быть тоже арабовъ, въ лавку купить соломы для вьючныхъ животныхъ и масла для ѣды. Черезъ нѣсколько времени одинъ изъ слугъ принесъ солому, а другой возвратился съ пустыми руками и только улыбался. Оказалось, что онъ спросилъ у

1) Ibn - Bathouta, II: 290.

2) Ibid., 299. — 3) Ibid., 301. — 4) Ibid., 310—311. — 5) Ibid., 317.

увидѣли съ противоположной стороны Сергіуса, спросили его *погречески*; «*نیز افرومیا روم دلنجه ایتدی*» = «Афрумія вскорѣ сказала (стражникамъ) *погречески*»; «*احد سرکیس خیمه سنک اتوردی روم دلنجه بر نامه یزدی نسطوره کم*» = «Ахмедъ Сергіусъ сѣлъ въ своей палаткѣ и написалъ на *греческомъ языкѣ* письмо Нестору, что, молъ, *тити тити...*»; «*افرومیا غوراس*» = «Афрумія (гречанка - ренегатка) пришла къ Гурасу (своему отцу) и говоритъ Гурасу на *ижемъ языкѣ*». «*انلر دخی چوق ترک جرسی الديلار رومه عزم قلديلر*» = «Они взяли большое *турецкое* войско и пошла на Румъ».

Кромѣ такого отвлеченнаго различія турковъ и грековъ по языку, въ рукописи имѣются даже цѣлыя греческія фразы, конечно только подвергшіяся большому или меньшему искаженію, если, можетъ быть, не со стороны автора первоначальной редакціи «Сказанія о Меликѣ Данышмендѣ», то со стороны позднѣйшаго подновителя Сказанія, а тѣмъ паче со стороны переписчиковъ какъ оригинала, такъ и подновленія. Такъ въ разсказѣ о томъ, какъ Меликъ изъ 30.000 плѣнныхъ грековъ изъ Иконіи (یعقونیه), отказавшихся принять исламъ, велѣлъ 1000 человекъ изрубить въ куски передъ самымъ городомъ, читаемъ, что видѣвшіе эту бойню съ городскихъ башенъ кяфиры начали испускать вопли и закричали *на греческомъ языкѣ*: «*ایلمینی میداسینی دینه بسومی*»⁵⁾, что не безъ нѣкоторыхъ усилій можно погречески изобразить такъ: *Οἱ καμένοι κ'εἶδασιν τί νὰ ποίσοιμι* = «Бѣдные, не знаютъ, что дѣлать имъ!» Далѣе, въ продолженіи того же эпизода, въ уста грековъ, видѣвшихъ съ городской стѣны избіеніе христіанъ Меликомъ, влагается еще такое восклицаніе тоже на греческомъ языкѣ: «*امس ذی نابسنومی*»⁶⁾, которое легко истолковывается погречески такъ: «*Ἡμεῖς τί νὰ ποίσοιμι*» = «Что намъ дѣлать?!» Наконецъ слѣдуетъ опять припомнить уже приведенную выше (стр. 34) греческую фразу, произнесенную настоятелемъ греческаго монастыря во время торжественной процессіи для встрѣчи мнимаго чудотворнаго Креста Господня, яко бы присланнаго требизондскимъ княземъ: «*كلو سيرتير بوتی اسطروس*»⁷⁾, значеніе которой въ рукописи передано потурецки словами: «*خوش کلدکوز اول خاج قانی*» = «Добро пожаловать! А гдѣ же тотъ крестъ?», и которую, примѣнительно къ указанному турец-

1) Рукоп., л. 196 v. — 2) Л. 220 г. — 3) Л. 239 v. — 4) Л. 261 г. & v.

5) Л. 216 г. Эту турецкую транскрипцію греческой фразы я разобралъ при благоклонномъ содѣйствіи г. Пападопуло-Керамевса, причемъ нами предположено, что въ первомъ словѣ буква λ съ фатхою надъ ней могла явиться у кого-либо изъ переписчиковъ вѣсто сходной съ нею въ этомъ начертаніи буквы κ; что во второмъ словѣ начальное α замѣнило, можетъ быть, букву β, а въ четвертомъ словѣ таковое же α могло образоваться изъ α.

6) Рукоп. л. 218 г. — 7) Л. 240 v.

кому ея переводу, можно воспроизвести погречески въ такомъ видѣ: Καλῶς ἤρτην! Ποῦ τον ὁ Σταυρός?».

Кромѣ того, надо также предполагать искаженіе какого-то греческаго выраженія, которое стоитъ въ началѣ поддѣльнаго письма требизондскаго князя и заключается въ словахъ *و مینى خر عیسا* ¹⁾. Всего ближе по звукосочетанію, можно тутъ, по мнѣнію г. Керамевса, подобрать греческую фразу: *Μὴ τίς χαράς σας*, смыслъ которой «А votre santé» или «Вотъ вамъ подарокъ!», конечно, не совсѣмъ ясенъ, по мѣсту нахождения ея въ началѣ письма, и если не принять приданное ей выше толкованіе ²⁾. Если есть что въ ней похожаго на турецкое, такъ развѣ слова *خر عیسا*, въ которыхъ, пожалуй, еще можно усматривать довольно грубый, хулительный турецкій каламбуръ на греческое слово высокаго, священнаго значенія — *Χριστός* ³⁾.

Турки не только не смѣшивали себя въ названіи съ греками, или вообще съ другими національностями, хотя бы и жившими съ ними бокъ-о-бокъ въ одной и той же мѣстности, носившей географическое у нихъ обозначеніе *Румъ* — *روم* —, но еще дѣлали болѣе или менѣе сознательное племенное различіе и между своими религіозными и политическими противниками христіанами. Такъ, напр., въ «Сказаніи о Меликѣ Данышмендѣ» постоянно встрѣчаются обозначенія въ родѣ слѣдующихъ: *دمتری رومی* ⁴⁾ = «Дмитрій грекъ»; *بدروس رومی* ⁵⁾ = «Бедросъ грекъ»; *عطوس فرنك* ⁶⁾ = «Атосъ франкъ»; *درت بوز یکت حرامی سی* ⁷⁾ = «Бедренкъ съ франкъ»; *ار کی رومی کی فرنك* ⁸⁾ = «Есть четыреста удалцовъ разбойниковъ у него (у франка Торсувара) — кто греки, кто франки»; *فرنك جریسی* ⁹⁾ = «Франкское войско»; *کورجیلر* ¹⁰⁾ = «Грузины»; *کورجی لشکری* ¹¹⁾ = «Грузинская армія»; *ارمن سلطانی* ¹²⁾ = «Армянскій царь»; *اروس جرسی آص صوغداغیلر* ¹³⁾ = «Изъ франковъ русское войско, асы, содакцы». Точно также и въ «Искендэръ-намѣ», въ добавочной статьѣ, озаглавленной *داستان و تواریخ ملک آل عثمان*, про султана Орхана говорится въ такихъ выраженіяхъ: *اول اولیدیکه رومه صوندی ال قیصره ابرورلردی جوق درلورزلل ورسق وطرغوت و ترک و روم*

1) Рукоп., л. 239 г. и 181 г.

2) См. стр. 35, примѣч. 2.

3) А можетъ быть, это выраженіе тождественно съ тою клятвенною христіанскою формулою, которая приводится въ сельджукской хроникѣ Ибнъ-Биби: *ایستم بستم متی ایستم بستم متی بنایا* и истолкована издателемъ хроники посредствомъ греческой фразы: *Εἰς τὴν πίστιν μετὰ Χριστοῦ μετὰ πανυχίας* (Houtsma, op. cit., p. 40). Эта клятва только въ сокращенномъ видѣ повторена еще разъ въ хроникѣ въ такомъ видѣ: *اول (فاسلیوسی دخی) قسم یار ایدوب انجیل و خرستوسه آند اچدی* (Ibid., p. 113).

4) Рукоп., л. 189 г. — 5) Л. 251 в. — 6) Л. 142 в., 143 г. — 7) Л. 121 г. — 8) Л. 168 г. — 9) Л. 121 г. — 10) Л. 133 г. — 11) Л. 130 в., 139 г. — 12) Л. 247 в. — 13) Л. 219 в.

«Онь первый простеръ руку на Румъ, причинилъ императору много разныхъ бѣдъ; *варсаки, торгуты, турки, греки и сирійцы* — всё были также съ нимъ тогда». Здѣсь турки выдѣляются не только отъ *грековъ* — *روم* —, но даже и отъ другихъ родственныхъ тюркскихъ племенъ *варсакъ* — *ورسق* — и *торгутъ* — *طرغوت*.

Въ еще болѣе, пожалуй, раннемъ памятникѣ, въ сельджукидской хроникѣ Ибнъ-Биби про везира султана Гайасъ-Эддина очень опредѣленно говорится: *رومده سويلتن دلردن پارسى و تركيدن غيرى بيش دل بلوردي كه* = «Изъ языковъ, на которыхъ говорятъ въ Румѣ, онъ, кромѣ *турскаго* и персидскаго, зналъ пять языковъ, на которыхъ говорили въ Анатолиі и въ Румелиі». Въ другомъ мѣстѣ разсказывается цѣлое происшествіе, во время пребыванія одного мусульманина султана изъ Магриба въ гостяхъ у греческаго василевса въ Стамбулѣ, состоявшее въ горячей распрѣ между этимъ султаномъ и самохваломъ-Франкомъ, при чемъ дошло до того, что *غوغا اتدر و سلطانه* = «Франки и *греки* проявили фанатизмъ и учинили свалку: бросившись на султана, намѣревались убить его».

Слѣдовательно турки всегда называютъ себя турками — *ترکлер* —; но когда противопоставляютъ себя другимъ народамъ немусульманской вѣры, то величаютъ себя мусульманами: *بو موکلر مسلمانلر میدر بوخسه کرجی و فرنک* = «Эти приставники мусульмане или греки?» ⁴⁾ *رومیلر میدر* = «Войска грузинское, Франкское и греческое — всё схватились съ мусульманами; произошло великое побоище».

Но вотъ что замѣчательно: въ «Сказаніи о Меликѣ Данышмендѣ» въ огромномъ большинствѣ случаевъ турки обозначаются термивномъ *سنبلر* — ⁶⁾ *сунниты*, отгнѣняющимъ принадлежность ихъ не только вообще къ исламу, а еще къ извѣстному правовѣрному мусульманскому суннитскому толку вособенности. Поэтому въ Сказаніи безпрестанно встрѣчаются такого рода выраженія: *عطوش فرنک . . . سنبلردن ار طلب قلدی* = «Атошь Франкъ потребовалъ отъ суннитовъ супротивника»; *چوقلق سنبلردن* = «Множество суннитовъ сдѣлались мучениками»; *عطوش*

1) Рукоп. И. П. Б. IV, 2: 82, л. 200 г.

2) Op. cit., p. 63.

3) Ibid., p. 39.

4) Сказаніе о Меликѣ. Рукоп., л. 203 г.

5) Л. 144 г.

6) Лл. 52 г., 55 в., 68 в., 70 в., 121 в., 143 в., 144 г., 145 в., 162 г., 179 г., 185 г., 205 г. и др.

7) Рукоп., л. 143 в. — 8) Л. 144 г.

«Проклятый Атошь опять безсчетно мусульманъ изъ суннитовъ сдѣлалъ мучениками».)⁴⁾ لعین سنیلردن ینہ بی حد مسلمان شہید ایلدی

Да и не въ одномъ только этомъ Сказаніи паходится такое ясное выдѣленіе *турецкаго* и отличеніе его отъ греческаго. Авторъ *«Гарибъ-намэ»* Аашикъ-паша въ концѣ своего произведенія, написаннаго потурецки, съ отгѣнкомъ сожалѣнія распространяется о маломъ уваженіи его соотечественниковъ къ своему *турецкому* языку: ترک دلینا کمسنا بمقازدی * ترکلرا = «Никто не глядѣлъ на *турецкій языкъ*; * Никогда не открывалъ своего сердца *туркамъ*», и т. д. А Султанъ-Веледь, написавши свое *«Ребабъ-намэ»* поперсидски и только вставивъ въ него 157 турецкихъ двусгишій, напротивъ, самъ, какъ бы извиняся въ этой турецкой вставкѣ, сознается въ своемъ незнаніи турецкаго языка въ такихъ словахъ: ترکجه = «Если бы я зналъ *потурецки*, я бы высказалъ вамъ * Тѣ слова, что дошли отъ Бога къ намъ». Отгѣтивъ турецкую вставку заглавіемъ *турки*³⁾ = «*Турецкое*», Султанъ-Веледь, помѣстивъ передъ тѣмъ еще 21 полустишіе *греческое*, поставилъ передъ ними оглавленіе *руми*⁴⁾ = «*Греческое*». Наконецъ Хатыбъ-оглу въ широкоувѣщательномъ вступленіи къ своей поэмѣ *Ферахъ-намэ* — فریح نامہ — довольно торжественно заявляетъ, что онъ *турецкій* языкъ дѣлаетъ орудіемъ провозглашенія словъ Пророка: *турки* * کیم رسول الله سزیدر بو کلام = «Сія рѣчь есть слово Пророка; * Я изложилъ стихами на *турецкомъ* языкѣ и кончилъ».

Всѣ вышеприведенныя мѣста изъ *Гарибъ-намэ* и *Ребабъ-намэ* извѣстны были и г. Гиббу⁶⁾, и потому остается непонятнымъ, почему онъ все-таки пустился въ длинное разсужденіе о томъ, что «an Ottoman

1) Рукоп., л. 148 г.

2) Будапештская рукоп. № F. 46, л. 226 г.

3) Будапештская рукоп. № Qu. 9, л. 184 г., стихъ 92.

4) Ibid., л. 182 г. — 8) Л. 179 v.

5) Будапештская рукоп., № O. 24, л. 10 г. Кстати замѣтить, что г. Гиббъ почему-то старается убѣдить, что названіе поэмы *Ферахъ-намэ* — فریح نامہ — слѣдуетъ читать *Ferrikkh-Namé* or «the Book of Ferrikkh» (the name of the hero) (Op. cit., I, p. 256), когда въ самой поэмѣ въ послѣсловіи ясно говорится: *او قوبین اشکار* = «Я далъ ей (поэмѣ) имя Книга Радости; о другъ! * И читающій, очевидно, обрѣтетъ радость» (Рукоп., л. 249 v.). При этомъ г. Гиббъ трактуетъ все о сочиненіи не *Хатыбъ-оглу*, а какого-то *Шейхъ-оглу*; но такъ какъ онъ тутъ же указываетъ на разногласіе относительно автора поэмы, то можно думать, что и самъ онъ и тѣ, кого онъ оспариваетъ, ошибаются, приписывая это произведеніе кому-то другому, а не Хатыбъ-оглу, который постоянно упоминается въ поэмѣ въ такомъ видѣ: *ای خطیب اغلی صغتل ادکی* (Рукоп., л. 128 г.).

6) Op. cit., I, pp. 154, 168, 182.

Turk is called by these (by Persians, Tartars, Afghans and Indians) a «Roman», and the Ottoman language, the Roman language»¹⁾, безъ всякаго съ своей стороны намека на неправильность такого обзываетя турковъ греками и турецкаго языка — греческимъ, каковая неправильность, надѣюсь, въ достаточной мѣрѣ выяснена и доказана выше собранными для сего данными.

Слѣдовательно теперь остается только вновь вернуться къ категорическому заявленію Ибнъ-Батуты, что слово *челеби* — چلبی — есть слово греческое и, исходя изъ этого положенія, оставить втуцѣ всѣ доселѣшнія толкованія этого слова до толкованій Гаммера и барона В. Г. Тизенгаузена включительно²⁾, а обратиться къ языку греческому и попытаться поискать въ греческой лексикологіи оправданія и подтвержденія этому заявленію арабскаго путешественника, проявившаго, надо замѣтить, достаточную основательность въ неоднократныхъ этимологическихъ объясненіяхъ и другихъ словъ, подслушанныхъ имъ у турковъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло во время своихъ странствій.

Обращаясь же къ языку греческому, мы находимъ тамъ слово, которое и по своему звуковому составу, и по своему значенію, можетъ безъ всякой натяжки быть сопоставлено съ турецкимъ словомъ *челеби*, какъ первообразъ послѣдняго. Слово это есть *καλλιετής*, которое находится во всѣхъ солидныхъ греческихъ лексиконахъ и значить въ переводѣ на другіе языки: «Pulchre s. eleganter loquens»³⁾; «Schön redend, singend, schreiben»⁴⁾; «eleganti sermone s. cantu utens, pulchre fabricatus»⁵⁾; «disert, élégant, orné, fleurі»⁶⁾; а греческіе его синонимы суть: «γλαφυρώς ὀμιλῶν ἢ γράφων, εὐφραδής, εὐρήμων»⁷⁾, т. е. «рѣчистый, красно пишущій, хорошо поющій, нарядный, цвѣтистый».

1) Ibid., p. 149.

2) Гаммеръ мимоходомъ касается этимологіи слова *челеби* три раза и вездѣ сблизаетъ его съ арабскимъ چلب — «аджелъбъ», откуда произошло جلبان — «аджелъбанъ», наименование египетскихъ Мамлюковъ, но при этомъ присовокушляетъ, и каждый разъ все съ большою увѣренностью, что «Das Wort *Tschelebi* scheint der Ableitung nach das lateinische Wort *caelebs* zu sein» (Gesch. d. Osm. Reiches. II: 470; V: 467 и VII: 567). А покойный баронъ В. Г. Тизенгаузенъ ограничивается повтореніемъ первой гаммеровской конъектуры, т. е. производствомъ слова *челеби* отъ арабскаго جلب и جلبان = «привозный товаръ» и «невольникъ». (Записки Восточн. Отд., т. XI, стр. 308), но уже оставляетъ въ покоѣ затронутое Гаммеромъ латинское *caelebs* = «холостякъ».

3) Thesaurus Graecae linguae ab Henrico Stephano constructus. Parisiis, 1841. Vol. IV, p. 879.

4) Fr. Passow, Handwörterbuch der Griechischen Sprache begründet. Leipzig, 1847. B. I, Abth. 2, S. 1561.

5) Lexicon Graeco-latinum manuale ex optimis libris concinnatum. Lipsiae, 1830, p. 400.

6) Ἀγγέλου Βλαχου, Λεξικὸν ἑλληνογαλλικόν. Ἐν Ἀθῆναις, 1897, стр. 448.

7) Ἀνεστη Κωνσταντινίδου, Μέγα Λεξικὸν τῆς ἑλληνικῆς γλώσσας. Ἐν Ἀθῆναις, 1902. Т. II, стр. 584.

Это слово *καλλιπής* вездѣ стоять не водиночку, а и съ глаголомъ *καλλιπέω* и *καλλιπέομαι*, и съ существительнымъ *καλλιπεια*, и съ нарѣчіемъ *καλλιπώς*. Оно очень давняго литературнаго употребленія и, какъ авторитетно свидѣтельствуеъ г. Пападопуло-Керамевъ, до настоящаго времени употребительно даже въ обиходной рѣчи современныхъ грековъ. Всѣ приведенныя значенія этого слова какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ тому латинскому «*nobilis*» или «*nobilissimus*», которымъ переводять турецкое слово *челеби* европейскіе писатели XVI вѣка, занесшіе его въ свои хроникки еще, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ его возникновенія у турковъ, т. е. когда оно еще не успѣло окопчательно вытѣснить изъ мѣстнаго говора своего греческаго предшественника — *καλλιπής*; но только по недоразумѣнію, весьма возможному въ тѣ темныя времена, эти писатели превратили его въ небывалое собственное имя *Calpinus* нѣкотораго историческаго лица, или даже нѣсколькихъ извѣстныхъ исторій дѣйствительныхъ лицъ, въ связи съ подлинными именами которыхъ оно, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, получило наибольшую извѣстность и распространеніе въ европейской образованной публикѣ и литературѣ.

Къ туркамъ слово *καλλιπής* попало, какъ уже было выше замѣчено, заурядъ съ другими греческими словами одной съ нимъ категоріи, а фонетическое видоизмѣненіе его въ *челеби* — *چلبی* — не заключаетъ въ себѣ ничего необыкновеннаго съ точки зрѣнія турецкой фонетики, въ которой переходъ звука *κ* въ *ч* нерѣдко наблюдается, и преимущественно въ словахъ, заимствованныхъ. Такъ въ малоазіатскомъ діалектѣ существуютъ слова *чѳрпэ* — *چوربه* (звѣрокъ) изъ *кѳртэ* — *کوربه*¹⁾; *чѳрекэ* — *چورك* (лепешка, коврижка) изъ *корк* — *کورک*²⁾; *джамусэ* — *جاموس* (буйволъ) изъ перс. *ялумишэ* — *کومیس*³⁾; *чолакэ* — *چولاق* (безрукій, калѣка) изъ греч. *κουλός*⁴⁾; *челикэ* — *چلیک* (булагъ) изъ греч. *χάλυψ*⁵⁾; *джаверсэ* — *چاویس* (просо) изъ перс. *каурсэ*⁶⁾; *джануширэ* — *چاوشیر* (камедь) изъ перс. *каурсирэ*⁷⁾; *хуцумэтэ* — *حکومت*⁸⁾ (управленіе) изъ араб. *хкومت*; собственное имя одного городка *Кѳпрю* — *کوپری* (мостъ), изъ греческ. *γέφυρα*, по свидѣтельству Левенклава выговаривалось турками и *чупрю* — «*Turcis nunc adpellatur Tzurpri, et Cupri, quorum utra-*

1) Вефыкъ, Леджеп-Османи, стр. 492.

2) Redhouse, A Turkish and English lexicon, pp. 735 & 1586.

3) Ibid., 637.

4) Ibid., 739 и Φαρδός, Λεξικόν Ελληνιστουρκικόν. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1860, стр. 467.

5) Ibid., 919.

6) Redhouse, 639.

7) Ibidem.

8) Слышано мною въ Брусѣ.

que pons ipsorum lingua significatur — »¹⁾; далѣе не невозможно, что глаголь *чакмакъ* — *چاقمق* (колотить) и *какмакъ* — *قاقمق* (вбивать) не болѣе какъ фонетическія разновидности одного и того же корня. Наконецъ, относительно перехода *к* въ *ч* въ турецкомъ языкѣ имѣется такое любопытное наблюдение у архитюркскаго писателя Абу-ль-Гази Багадурь-хала: *قديم ترك تيلندا ايجي قوش يغانجى قچاق ديرلار. . . بو وقتدا هم ايجي قوش يغانجى قچاق ديتورورلار قرا خلق نينك تيلي كيلماس ليكدن قافنى جم اوقوي تورورلار شول قچاق تورور قچاق ديتورورلار* «На старомъ турецкомъ языкѣ *капчакъ* называютъ полое впути дерево. . . Въ настоящее время полое внутри дерево называютъ также *чакмакъ*. Простой народъ по неправильности рѣчи *кафъ* произносятъ какъ *чимъ*, и такимъ образомъ *капчакъ* выговариваютъ *чакмакъ*».

Такая фонетическая склонность къ измѣненію *к* въ *ч* въ началѣ словъ свойственна не одному турецкому языку, а и другимъ языкамъ, напр. русскому: имя богатыря *Чурило* есть видоизмѣненное греческое *Кириллъ*; *чиналище* изъ араб.-тур. *ханджаръ*; *чайка* изъ тур. *каикъ*; *чучело* изъ тур. *кукла* и греч. *κώκλα*; *чудесникъ* изъ старин. *кюдесникъ*; равнымъ образомъ англ. *Charles* изъ герм. *Karl*; *Church* изъ *Kirche* и др.

При такомъ условіи естественно, что заимствуемое изъ чужого языка чаще и легче подвергается извѣстному фонетическому измѣненію, чѣмъ свое природное. А что турки уже въ старыя времена многое брали преимущественно изъ языка грековъ, это доказываетъ весьма значительное число собственныхъ греческихъ, отчасти также и армянскихъ, именъ въ «Сказаніи о Меликѣ Дапышмендѣ», гдѣ эти имена подверглись большому или меньшему измѣненію, какъ напримѣръ: *Адрианосъ* (3) — *Адрианосъ*, *استفانوس* (4) — *Астефаносъ*, *اقلاطيس* (5) — *Аклатисъ*, *الكيس* (6) — *Акисъ*, *بدروس* (7) — *Бедросъ*, *تکفور* (8) — *Текфуръ*, *نماطرغوس* (9) — *Саматургосъ*, *نماغوريس* (10) — *Саматурисъ*, *نماديوس* (11) — *Самадургосъ*, *خرسانوسيه* (12) — *Харсаносія*, *خرشنة* (13) — *Харшина*, *ديرانوس* (14) — *Дарьяносъ*, *دمتري* (15) — *Димитрій*, *سركيس* (16) — *Сергисъ*, *صنيط* (17) — *Сунбатъ*, *عراقيل* (18) — *Аракель*, *عناديس* (19) — *Биадисъ*, *غوراس* (20) — *Гурасъ*, *فاسيل* (21) — *Фасиль*, *قالبوروس* (22) — *Каливеросъ*, *قلايون* (23) — *Калаюнъ*, *قومانات* (24) — *Команатъ*, *كالوس* (25) — *Калусъ*, *كبريانوس* (26) — *Кибрия-*

1) Leunclavius Historiæ Musulmanæ Turcorum... libri XVIII. Francofurti, 1591, col. 442 & 868. Срав. у него же транскрипцію словъ Tzuneit (ibid., col. 7), Tzihan и Tzihangir (ibid. col. 11), Tzaus (ibid., col. 237), Tzamurlu (ibid., col. 458) и др.

2) Histoire des Mongols et des Tatars par Aboul-Ghazi, publ. par le Baron Desmairsons, St. Pét. 1874, t. I, p. 19.

3) Руюк., л. 57 v. — 4) 73 v. — 5) Ibid. — 6) 248 r. — 7) 251 v. — 8) 69 v. — 9) 235 r. — 10) 240 r. — 11) 241 r. — 12) 74 r., 176 v., 189 r. — 13) 73 v., 189 r. — 14) 51 v., 64 r., 150 v. — 15) 189 r. — 16) 228 r. — 17) 123 r., 127 r. — 18) 58 r. — 19) 179 r. — 20) 243 v. — 21) 240 r., 241 r. — 22) Л. 140 v. — 23) 189 r. — 24) 234 v. — 25) 261 v. — 26) 148 v.

носъ, کراکالیوس¹⁾ — *Киракалиосъ*, کربلوس²⁾ — *Кирилосъ*, کیرمانول³⁾ — *Кирманулъ*, لباوین⁴⁾ — *Лиавинъ*, مرغریده⁵⁾ — *Маргарида*, فطروب⁶⁾ — *Матрубъ*, مطروید⁷⁾ — *Матрубидъ*, منقوریه⁸⁾ — *Манкурія*, مهریانوس⁹⁾ — *Миріяносъ*, میدروس¹⁰⁾ — *Мидросъ*, نسطور¹¹⁾ — *Несторъ*, نکولا¹²⁾ — *Никола*, و سلویوس¹³⁾ — *Василевсъ*, ولسارین¹⁴⁾ — *Велсаринъ*, بنتونته¹⁵⁾ — *Янкоія*, یانیج¹⁶⁾ — *Янычъ*.

Мало того: самый титулъ главнаго героя Сказанія Меликъ-Данышменда — دانشمند —, кромѣ этой настоящей его формы, еще варьируется тройко: болѣе всего онъ является видоизмѣненнымъ въ تالشمن¹⁷⁾ — *Талшманъ*, иногда въ تالشمن¹⁸⁾ — *Телешманъ*, и даже въ تالشمن¹⁹⁾ — *Талшмандъ*, очевидно потому, что это слово не чисто турецкое, а персидское.

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что турки измѣняли заимствованныя ими изъ чужихъ языковъ слова, если обратить вниманіе на то, какимъ ужаснымъ искаженіямъ европейцы подвергали и доселѣ подвергаютъ слова восточныя — арабскія, персидскія и турецкія. Такъ, напр., прославившійся на весь свѣтъ своею печальною участію султанъ Баязидъ I всегда у близкихъ ему по времени европейскихъ писателей перековеркивается то въ *Pazaites*²⁰⁾, то въ *Bassantes*²¹⁾, и т. п.; а не менѣе знаменитый побѣдитель его Тимуръ-Ленкъ еще того хуже превращенъ ими въ *Tamburlanus*²²⁾. Даже такой общезвѣстный, ходячій добавочный при именахъ восточныхъ владыкъ титулъ, какъ ханъ — خان —, и тотъ постоянно является преображеннымъ въ *Chat* и даже *Tchaat*²³⁾. Чего же еще болѣе, когда существующее названіе Турціи *Оттоманскою* Портою содержатъ въ себѣ искаженіе имени основателя Турецкой имперіи *Османа*?!

То же самое должно было произойти и съ греческимъ καλλιεπίης, превратившимся у турковъ въ *челеби*, можетъ быть при содѣйствіи самихъ же европейцевъ, наводнившихъ Левантъ со времени Крестовыхъ походовъ и завладѣнія Константинополя крестоносцами и называвшихся тогда общимъ именемъ *Латинянъ* — Latini —, что не невѣроятно, судя по большому ко-

1) Рукоп., л. 259 г. — 2) 163 в. — 3) 255 в. — 4) 126 в., 127 г. — 5) 69 г. — 6) 239 в. — 7) 235 г. — 8) 74 г. — 9) 73 в. — 10) 241 г. — 11) 57 в. — 12) 253 в. — 13) 181 г. — 14) 121 г. — 15) 191 в. — 16) 69 г.

17) Л. 67 в., 113 в., 136 в., 138 в., 163 г., 173 в., 175 г., 177 в., 179 в., 190 в., 193 г., 195 в., 205 в., 227 в., 233 г. & в., 243 в., 252 г., 261 г., 262 г.

18) Л. 131 г., 242 г., 266 в.

19) Л. 249 г.

20) *Aulae Turcicae Ottomanicque Imperii descriptio* Ant. Geuffraei Galli. Basileae. 1564. Pp. 8 & 41.

21) *Ibid.*, p. 51.

22) *Hoffhaltung des Türkischen Kaisers durch Ant. Geuffreum*. Basel., S. XLV.

23) *Aulae Turcicae etc.*, p. 41.

личеству вариантовъ, представляющихъ какъ бы переходныя стадіи отъ греческаго первообраза къ турецкому эпитону, каковы: *Calepinus*¹⁾, *Chal-labin*²⁾, *Chialarinus*³⁾, *Chialarinus*⁴⁾, *Chialar*⁵⁾ и, наконецъ, *Cheleby*⁶⁾. Изъ этой градаціи фонетическихъ видоизмѣненій мы видимъ, что первоначально подверглась смягченію гласная *a*, увлекая за собою въ этомъ смягченіи и предшествующую ему согласную *k*, вслѣдствіе отраженнаго вліянія плавнаго *l* и соединеннаго съ нимъ *e*, пока окончательно не послѣдовало измѣненія начального звука *k* въ *ç*. Что же касается до окончаній этого слова, то разнообразіе ихъ происходило отъ своеобразныхъ склонностей того или другого языка, куда попадало оно, придавать то или другое окончаніе подобнымъ изучажа заимствуемымъ словамъ. Изъ греческаго $\eta\varsigma$ легко могло образоваться и европейско-латинское *ius*, и *inus* и *in*. Простое же отпаденіе ς первоначальнаго греческаго окончанія какъ нельзя болѣе споспѣшествовало появленію болѣе короткой турецкой формы *челеби*, такъ какъ звукъ *и* употребителенъ въ турецкомъ языкѣ для образованія именъ лицъ, обладающихъ тѣмъ или другимъ качествомъ, проникши въ турецкую грамматику изъ языка персидскаго и отчасти арабскаго.

Можно, пожалуй, задать еще одинъ вопросъ: какимъ образомъ слово такого значенія, какое имѣетъ по своему коренному смыслу греческое $\chi\alpha\lambda\lambda\iota\pi\eta\tau\eta\varsigma$ = «рѣчистый», «языщный», могло быть облюбовано сперва греками, а потомъ отъ нихъ и турками, подвергшими его незначительному измѣненію въ духѣ фонетики своего языка въ видѣ *челеби*? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ достаточно указать на тотъ безспорный фактъ, что далеко не всѣ титулы имѣютъ осмысленное значеніе не въ одномъ турецкомъ, а и во всѣхъ другихъ языкахъ. Ну, какой смыслъ имѣютъ хотя бы арабскія слова-титулы *дженабъ* — جناب — и *хазретъ* — حضرت, или греческое слово «Философъ» въ примѣненіи ко всѣмъ заурядъ монахамъ во времена крещенія Руси, или всѣ наши «его степенство», «его превосходительство» «его сіятельство» и даже «ваша честь» и «ваше здоровье»? Чѣмъ же страннѣе ихъ греко-турецкое $\chi\alpha\lambda\lambda\iota\pi\eta\tau\eta\varsigma$ = چلبی, что оно присвоивалось въ качествѣ почетнаго эпитета не только исторически извѣстнымъ лицамъ, каковы были царевича Османскаго дома Иса-челеби, Мустафа-челеби и, наконецъ, султанъ Мухаммедъ I челеби, а даже и лицамъ легендар-

-
- 1) Secundinus, Op. cit., f. B.
  - 2) Numismat. Ztschr., IX: 208.
  - 3) Pii II, Op. cit., p. 311.
  - 4) Pii II, Op. cit. p. 31.
  - 5) Lewenclaw, Op. cit., p. 158.
  - 6) Ant. Geoffraeus, Op. cit., p. 55.

нымъ, каковъ мнимый предокъ настоящаго родоначальника Османской династіи Эр-Тогузлу Юаннъ *Челеби*? Что было и есть самаго завиднаго въ человѣкѣ, кромѣ вѣншей физической силы и красоты, какъ не обаятельность воздѣйствія чьей-либо человѣческой рѣчи на другихъ людей? А чѣмъ таковая достигается, какъ не тѣмъ, что называется рѣчистостью, за которою не всегда могутъ крыться дѣйствительныя совершенства высокаго ума, чистаго сердца и могучей воли! Даръ слова во всѣ времена и у всѣхъ народовъ какъ-то инстинктивно высоко цѣнился наравнѣ съ физическою мощью и, очевидно, въ этомъ же психическомъ условіи надлежитъ искать причины, почему одни народы считали другихъ, не понимавшихъ ихъ рѣчи, нѣмыми, а греки даже называли ихъ варварами, т. е. вовсе не говорящими, а только бормочущими, болтающими.

И турки, сколь они ни грубы и ни необразованны были въ тѣ времена, къ которымъ относится предметъ нашего изслѣдованія, все-таки придавали большое значеніе такъ называемой учености и единственному проявленію таковой — рѣчистости. Это опять-таки находить себѣ подтвержденіе съ разныхъ сторонъ. Самое разительное доказательство этого представляетъ собою личность Мелика-*Данышменда*, т. е. Царя-*Ученаго*, этого историческаго¹⁾ поборника ислама противъ крестовосцевъ и романтическаго героя цѣлаго о немъ Сказанія, который уже по одному своему имени былъ олицетвореннымъ идеаломъ турецкой доблести и мусульманскаго нравовѣрія. И этотъ *ученый* герой является не одиночкою, а лишь блестящимъ звеномъ въ цѣлой серіи владѣтельныхъ лицъ сельджукской отрасли, образующей хоть и небольшую, но все же исторически извѣстную, правящую династію *Данышмендовъ*. Мало того: въ «Сказаніи о Меликѣ Данышмендѣ» неоднократно выводится популярная личность другого излюбленнаго у турковъ народнаго богатыря Сейидъ-Баттала Гази, съ которымъ Меликъ былъ въ родствѣ по матери, какъ гласитъ легенда. А Сейидъ-Батталь, какъ разсказывается про него въ особой также довольно старой поэмѣ, еще въ дѣтствѣ, подобно нашему русскому богатырю Васкѣ Буслаеву, отличался грамотностью, ученостью и *краснорѣчьемъ*, которымъ онъ потрясалъ во время своихъ проповѣдей сердца слушателей. Въ «Сказаніи о Меликѣ Данышмендѣ» въ одномъ мѣстѣ говорится, что въ числѣ четырехъ сотъ турковъ, попавшихъ въ плѣнъ къ грекамъ было «нѣсколько хачизовъ, нѣсколько *данышмендовъ* и нѣсколько ученыхъ»²⁾, и частности поименованы

1) Ему посвящена монографія византолога Ф. И. Успенскаго, помѣщенная въ Запискахъ Императорскаго Одесск. Общ. Ист. и Древностей, т. XI, стр. 1—40.

2) Рукоп., л. 164 v.

два лица, омусульманившаяся Мерьемъ и ея мужъ Каратегинъ, которые день и ночь занимались наукою — *مریم خاتون . . . کیجه و کندز قرنکینله* (1). Равнымъ образомъ въ числѣ достоинствъ одного благочестиваго и праведнаго мужа Халиля подчеркнута, что онъ былъ «любомудрый и весьма ученый человекъ» — *دانشمند ادی خوب عالم کشیدی* (2). Легенда о знаменательномъ сновидѣніи, которое постигло Эр-Тогруля, предка дома Османлы, говорить, что это сновидѣніе, предвѣщавшее величіе потомковъ Эр-Тогруля, было ниспослано ему свыше за усердное сладкогласное чтеніе Корана, которымъ онъ занимался въ ночномъ уединеніи во время своего пребывания въ домѣ одного благочестиваго шейха (3).

Но всего болѣе подтверждается высокое уваженіе турковъ къ краснорѣчію характеристикою Іоанна *Челеби*, по которой это былъ человекъ ученый, энергичный и, главное, не только дѣлавшій самъ то, что хотѣлъ, но и могшій убѣдить другихъ въ томъ что какъ онъ хотѣлъ, такъ и должно было быть.

Кромѣ того, есть положительныя данныя, свидѣтельствующія о томъ, какое важное значеніе *турки* вообще, т. е. сельджуки и позже османлы, придавали рѣчности, какъ признаку особенной образованности, наравнѣ съ другою доблестью — съ военной храбростью. Такъ въ сельджукской лѣтописи Ибнъ-Биби въ числѣ высокиихъ качествъ султана Иззь-Эддина Кейкауса выставляется то, что онъ «въ каллиграфіи, стилистикѣ и *краснорѣчии* былъ безсравненный» — *و خط و انشا و بلاغتک بی نظیر (دی)* (4). Тамъ же повѣствуется, что во время осады Ангоры Иззь-Эддиномъ Кейкаусомъ почетныя лица города съ согласія своего султана Аля-Эддина, брата Иззь-Эддина, «устроили сходку и совѣщаніе и отправили *краснорѣчиваго и борзата на языкъ* посланца» — *شهرک معتبرلری . . . دیرنک و اجتماع ایدوب* (5). Въ характеристикѣ султана Орхана I турецкіе историки отмѣчаютъ между прочимъ и то, что онъ былъ «*сладкоязычный*» — *طائلو دیلو* (6) —, т. е. «краснорѣчивый»; а въ подобной же характеристикѣ султана Мухаммеда I говорится, что онъ былъ «*сладкорѣчивый*» — *شیرین سوزلی* (7). Всѣ эти турецкіе эпитеты — *شیرین سوزلی*, *طائلو دیلو*, *چرب زبان*, *فصیح*

1) Рукоп., л. 164 v.

2) Л. 178 v.

3) Аали-эфенди, *Кюну ль-ахбаръ*, констант. изд., т. V, стр. 24.

4) Houtsma, Op. cit., p. 108.

5) Ibid., p. 119.

6) Аали, *Кюну ль-ахбаръ*, V: 41.

7) *Тарихи Салакъ-задъ*, констант. изд., стр. 124.

зять, переводъ греческаго *καλλιπής* = «челеби», какъ и прозывались на-особицу три царственныхъ брата — Муса, Иса и, наконецъ, Мухаммедъ I.

А что такіе эпитеты не были одни только льстивыя велерѣчія лѣтописцевъ-панегиристовъ, это подтверждается другими историческими справками. Такъ про сельджукскаго султана Аля-Эддинъ-Кей-Кобадъ-бень-Кэй-Хосрева свидѣтельствуется, что онъ «углублялся въ исторію и сказанія о древнихъ царяхъ и въ описаніе ихъ похвальныхъ и доблестныхъ дѣяній. . . .»; что «всѣ его собесѣдники были все люди даровитые, поэты и мужи краснорѣчія» — *ندیلری فضلا و شعرا و اهل شیرین زبان* — *کشیلری* — «и самъ онъ былъ одаренъ многими способностями и качествами и сочинялъ также стихи» — *و شعر دخی ایدوردی* — «что хотя онъ самъ былъ родомъ турокъ и изъ огузскихъ султановъ, но когда не хватало стиховъ турецкихъ, они приходили у него изъ Персія: большею частью онъ говорилъ поперсидски»¹⁾.

Равнымъ образомъ относительно многихъ османскихъ султановъ извѣстно, что они занимались литературою и сочиняли цѣлыя диваны стихотвореній, каковы, напримѣръ, султанъ Мухаммедъ II Фатихъ, султанъ Баязидъ II. Вособенности этимъ славился султанъ Селимъ I Явузъ, во многомъ похожій на нашего Ивана Грознаго и близкій къ нему по времени царствованія (1512—1520): онъ даже въ походахъ держалъ при себѣ книги и надосугѣ по ночамъ предавался чтенію любимыхъ произведеній въ родѣ *Искендэръ-намэ*. Про него въ османскихъ лѣтописяхъ сохранилось даже преданіе, что во время персидскаго похода 1514 года онъ укротилъ взбунтовавшихся янычаръ, недовольныхъ трудностями такой отдаленной отъ ихъ отечественнаго очага кампаніи, произнесши передъ ними пламенную рѣчь, которую онъ закончилъ персидскимъ стихомъ: *من نمی گردم از این* «Я не отступлюсь отъ намѣренія, которое имѣю въ сердцѣ»²⁾.

Что же касается того, что титулъ *челеби* получилъ наибольшую широкую популярность съ эпохи начала XV вѣка въ связи съ именами сыновей султана Баязида I Исы-челеби, Касима-челеби и Мусы-челеби, то объясненія этому обстоятельству слѣдуетъ искать въ исторической важности самой эпохи въ жизни османскаго государства. Въ это время начинается большая заинтересованность турками со стороны западной Европы, какъ военной, такъ и ученой. Кромѣ того, популяризація титула *челеби* обуславливалась особенною судьбою вышеназванныхъ османскихъ царевичей, про

1) Houtsma, Op. cit., p. 216.

2) Hammer, Gesch. d. Osm. R., II: 411.

которых византийскіе историографы сказываютъ, что они подолгу живали, а иные и вѣкъ свѣковали при константинопольскомъ дворѣ, т. е. въ центрѣ тогдашней византийской образованности, и посвящали себя прилежному изученію эллинской мудрости¹⁾, такъ что послѣ этого возможно было, что не они сами называли себя, а другіе стали величать ихъ титуломъ *челеби*, какъ выдававшихся усвоенностью внѣшнихъ признаковъ этой образованности на греческій манеръ въ своей родной турецкой средѣ, которую греки считали и называли не иначе какъ варварскою. Этотъ титулъ присвоенъ былъ имъ турецкимъ, такъ сказать, общественнымъ мнѣніемъ совершенно по тѣмъ же основаніямъ, по какимъ донинѣ присваивается онъ настоятелямъ всѣхъ дервишскихъ орденовъ, какъ долженствующимъ соединять въ своемъ лицѣ благочестивую сановитость съ подобающими ихъ сану и положенію ученостью и учительнымъ краснорѣчіемъ.

Одного только мнѣ нигдѣ не довелось наблюдать и подмѣтить, а именно чтобы слово *челеби* употреблялось, «въ концѣ-концовъ получивъ даже пролическій отгѣнокъ», на что также рѣшительно указываетъ, слѣдуя *Barbier de Meunard*'у, баронъ В. Р. Розенъ²⁾.

Наконецъ, если принять, что турецкое *челеби* — چلبی — есть не что иное какъ видоизмѣненное греческое *καλλιετής*, то спрашивается: какъ же могли рядомъ уживаться обѣ формы, въ коихъ одна была прототипомъ, а другая — искаженіемъ этого прототипа? И это явленіе не заключаетъ въ себѣ ничего необычайнаго и находитъ себѣ наилучшее подтвержденіе въ нашей современности, всего же очевидно въ географической номенклатурѣ. До сихъ поръ бокъ-о-бокъ вертятся въ языкахъ польскаго и пѣмцакаго населенія два названія одного и того же пограничнаго пункта, мѣстечка «*Вержболово*» или «*Wirballen*», изъ коихъ послѣднее есть несомнѣнное искаженіе перваго. Еще ближе къ намъ, такія двойственныя названія однихъ и тѣхъ же мѣстностей, какъ *Ораніенбаумъ* и *Рамбовъ*, *Шлиссельбургъ* и *Шлюшинъ*, и т. п., существуютъ одновременно въ употребленіи у одного и того же русскаго народа, но съ такимъ раздвоеніемъ, что первоначальныя, правильныя формы вышеприведенныхъ наименованій слышатся въ говорѣ образованной части населенія, а простонародье довольствуется и обходится ихъ корруціями, и никого это не шокируетъ. Можно себѣ представить, какой отпечатокъ наложитъ переживаемое нами бурное и смутное время на русскій лексиконъ, когда въ него волеется цѣлая уйма иноязычныхъ и самодѣльныхъ, доморощенныхъ словъ, возникшихъ изъ

1) Ducas, cap. XX, p. 98.

2) Loc. cit., 306.

потребностей народного движения и неизбежно произникших въ связи съ нимъ новыхъ мыслей, чувствъ, явленій, нуждающихся въ словесныхъ для себя воплощеніяхъ. Любопытно было бы видѣть, какъ филологи послѣдующихъ вѣковъ и поколѣній станутъ ломать себѣ головы падъ образованіемъ и значеніемъ такихъ знаменательныхъ въ наше время терминовъ, какъ *буржуй*, *реакъ*, *платформа*, *кадеты*, *эсъ-эры*, *пе-пе-пеки* и, наконецъ, знаменитое словечко *хулианъ*, въ какихъ-нибудь два года завоевавшее себѣ такое видное положеніе въ говорѣ и печати на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества! .

Точно также могло быть и съ греческимъ *καλλιεπής*: испорченное турецкимъ употребленіемъ въ *челеби*, оно въ этомъ послѣднемъ видѣ, вслѣдствіе турецкой его узурпаціи, было уступлено варварамъ образованною частью греческаго населенія, переставшаго съ тѣхъ поръ пользоваться имъ въ своемъ литературномъ обиходѣ; простонародье же греческое, заурядъ съ прочимъ турецкимъ и армянскимъ населеніемъ Оттоманской имперіи, и главнымъ образомъ Малой Азіи, гдѣ греческая прислуга иначе не зоветъ своихъ господъ какъ *челеби* = «баринъ», менѣе, чѣмъ образованный классъ, заботящаяся о чистотѣ и иныхъ достоинствахъ своей родной рѣчи, преспокойно усвоило себѣ въ своемъ обиходномъ разговорѣ турецкую коррупцію *челеби*, шичуть не подозрѣвая, что это турецкое слово есть свое же собственное греческое *καλλιεπής*, но только подвергнувшееся передѣлкѣ въ устахъ нахлынувшихъ изъ Азіи варваровъ — турковъ, даже не догадываясь, что это — ренегатъ, вернувшійся въ родное лоно, но уже съ извѣстною неизгладимою печатью своего отступничества.

Въ позднѣйшее время слово *челеби* перешло и къ крымскимъ татарамъ, среди которыхъ также завелись собственные *челеби*, а отъ нихъ уже, по всей вѣроятности, оно появилось и у насъ на Руси въ видѣ прозвищъ *Целепи*, *Целибтевъ* и *Чслибеевскій* и т. п. Появленіе его въ памятникахъ русской старинной письменности, а именно упоминаніе въ нихъ о принятіи христіанства и иночества заѣзжимъ въ Москвѣ цареградскимъ кушомъ Мустовахомъ Челебиномъ въ концѣ XVI в. послужило поводомъ почтенному члену нашего общества Д. Θ. Кобеко еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ впервые возбудить вопросъ о значеніи слова *челеби* на страницахъ сего же самаго изданія (З. В. О., т. V, 1891 г., стр. 301—304), гдѣ предлагается и наша посылная попытка найти этому слову объясненіе.

Въ первую мою побывку въ Константинополь въ 1875 году турки называли всѣхъ европейцевъ именемъ *челеби*, которое позднѣе совершенно безпричинно смѣнилось у нихъ другимъ, менѣе симпатичнымъ эпитетомъ—обращеніемъ *чорбаджи*.

Кстати, пожалуй, можно замѣтить здѣсь, что въ Малой Азіи и въ Крыму водится сортъ яблоковъ, именуемый *челби*, что одно время, я помню, въ выкрикѣ нашихъ русскихъ торговцевъ-фруктовщиковъ превратилось въ «крымская *чслибѣ*». «Поадербейджански же слово *чѣлѣби*», по изысканіямъ турколога П. М. Меліоранскаго (Зап. Вост. Отд., т. XV, стр. 037), «означаетъ особаго рода хорошія, пѣжныя груши (дюшесъ)». Но всѣ подобныя второстепенныя и третьестепенныя порожденія капризнаго случая, безъ сомнѣнія, столь же мало даютъ для объясненія истиннаго смысла слова *челби*, какъ и разсмотрѣнныя нами ученія толкованія этого исторически любопытнаго и въ то же время загадочнаго по своей этимологіи имени.

В. Смирновъ.

С.-Петербургъ.
21 апрѣля 1906 года.

CALEPINVS CYRICELIBES, QVI
ET CIBELINVS, QVINTVS TVRCORVM
IMPERATOR.

*Ottomannidis tristem suprema ruinam
Fata minabantur, gentis & exitium.
Cum Cyricelibes disiecta recolligit arma,
Gaudet & imperij tollere sceptrum noui.
In festasq; acies gelidum deducit ad Istrum,
Victor & hostiles depopulatur agros.
Jamq; animo demens, noua praelia concipit, ecce
Inicit ammites mors inopina manus.*